

Блаженный АВГУСТИН

ОБ ОБУЧЕНИИ ОГЛАШАЕМЫХ

1

(1) Ты просил у меня, брат Деогратий¹, написать тебе что-нибудь, что пригodiлось бы тебе при обучении новичков² вере. Ты говорил, что в Карфагене, где ты диаконом, к тебе часто приводят людей, которых надо впервые ознакомить с христианской верой: тебя считают человеком, обладающим всеми качествами учителя, — и знакомством с правилами веры и даром речи. Ты же, по твоим словам, почти всегда испытываешь затруднения: как убедить именно в том, что христианами нас делает вера, как внушить это, с чего начинать, до чего доводить рассказ; надобно ли, по окончании рассказа, прибавить какое-либо увещание? не достаточно ли одних заповедей, соблюдая которые наш слушатель узнает, как вести христианскую жизнь и пребывать христианином. (2) Ты признавался и жаловался, что бывает так: ты говоришь долго, одушевленно — и сам себе становишься скучен и противен, не говоря уже о том, кого ты поучал, и о тех, кто пришли послушать³. Эта беда тебя и принудила понудить⁴ меня, из любви к тебе, не счесть тяготой среди занятий моих написать тебе кое-что по этому поводу.

(3) Я должен сделать это не только ради тебя, человека мне близкого, но ради Матери-Церкви вообще; меня понуждают и любовь и служба — не смогу ли, по милости Господа нашего, достичь чего-нибудь своей работой. И Господь велит мне оказывать помощь тем, кого Он сделал мне братьями, — ни в коем случае не отказывать в ней, помогать быстро и самоотверженно. (4) И чем шире я хочу раздавать из сокровищницы Господней, тем больше надлежит мне прилагать сил, если я вижу, что казначей⁵, мои товарищи по работе, чувствуют затруднения в раздаче: пусть легко и свободно выполняют то, к чему стремятся неленостно и настойчиво.

2

(1) Что же касается твоих, лично к тебе относящихся мыслей, то не стоит тебе волноваться, если твоя речь кажется тебе скучной и никуда негодной. Может быть, тому, кого ты наставляешь, она показалась не такой: ты ведь горячо стремился к тому, чтобы от тебя услышали что-то лучшее, и слова твои казались тебе недостойны других ушей. (2) И мне почти всегда моя проповедь не нравится⁶. Я жадно хочу лучшего и часто наслаждаюсь им сам с собой, пока не начну излагать в словах: я не в силах целиком выразить себя, и мне горестно, что язык мой сердцу моему не смог сослужить службу.

(3) Я хочу от моего слушателя понимания всего того, что понял я, и чувствую, что не моим словам этой цели достигнуть. И главная причина здесь в том, что понимание озаряет душу, как вспышкой молнии, и речь, длинная и медлительная, так не соответствует мысли. И пока она тянется, мысль уже скрылась куда-то в свои тайники и, однако, — удивительно! — запечатлела свои следы в памяти, и они не исчезают, как слова, задерживающиеся на мгновение. (4) Мы перерабатываем эти следы, превращая их в звуки, которые называются словами латин-

ского, греческого, еврейского или любого другого языка, хотя те следы не будут ни латинскими, ни греческими, ни еврейскими или принадлежащими какому-либо народу. Они относятся к душе, как выражение лица ко всему внешнему облику. (5) «Гнев» по-латыни *ira*, по-гречески он называется иначе и по-разному в других, разных языках. Но выражение лица у разгневанного человека не латинское и не греческое. Все все иноплеменники, а только знающие латынь, поймут слова «*iratus sum*» («я разгневан»), но если вспыхнувшее негодование отразится на лице и придаст ему особое выражение, то все, глядя на это лицо, поймут, что человек разгневан⁷. (6) Нельзя, конечно, вынуть и как бы разложить в словах для вразумления слушателей те следы, которые мысль отпечатлела в памяти: это не выражение лица, которое видят всегда — одно скрыто в душе, другое явно. Отсюда и следует заключить о той разнице, которая существует между звуками, слетающими с наших уст, и пониманием, поражающим как удар: оно и само ведь не похоже на отпечаток, оставленный в памяти.

(7) Мы же обычно горим желанием принести пользу слушателю и хотим, чтобы речь наша была в меру нашего понимания, но нашего напряжения и усилия для этого мало. От неудачи мы приходим в расстройство; нам скучно, будто от дела, напрасно начатого, и у нас опускаются руки. Нам скучно, и от этого и речь наша становится иной, чем была, вялой и бледной, и вызывает тоже скуку. (8) Между тем, судя по вниманию тех, кто хочет меня слушать, слова мои не так уж холодны, как мне кажется; по их удовлетворенному виду я заключаю, что они извлекли из них кое-что полезное, и я очень озабочен выполнением этого своего учительного служения⁸, ибо вижу, что люди хорошо воспринимают предлагаемое им учение.

(9) К тебе часто приводят людей, которых надо наставить в веру. Неужели тебе непонятно, что другим не так уж не нравятся твои слова, как они не нравятся тебе; ты не должен считать, что не приносишь плода по той причине, что не можешь изложить постигнутое тобой так, как тебе бы хотелось. Бывает ведь, что и ты, при всем своем желании, чего-то постичь не можешь. (10) Кто в этой жизни видит не гадательно, и только как отражение в зеркале? и сама наша любовь не так уж велика, чтобы, разорвав темницу плоти, проникнуть в вечный свет, отблеск которого как-то ложится и на преходящее. (11) Но хорошие люди со дня на день преуспевают в том, чтобы увидеть день, на который не набегает ночь и который не зависит от вращения неба. Этого не видит глаз, не слышало ухо, это не приходит на сердце человеку — и вот главная причина, почему обучение новичков кажется нам занятнем ничтожным: хочется созерцать необычное и скучно твердить обычное.

(12) В действительности же нас слушают гораздо охотнее, когда мы сами увлекаемся делом обучения; наша радость окрашивает всю словесную ткань нашей речи: нам легче говорить, нас лучше воспринимают. (13) Нет тяжкого труда в обучении правилам веры; надо знать, с чего начинать и на чем кончать, как разнообразить рассказ — пусть он будет иногда короче, иногда длиннее, но всегда закончен и отделан — и когда говоришь короче, и когда пространнее, — самое же главное подумать, как сделать, чтобы учитель вел свое обучение с радостью (он будет тем милее, чем больше ее виснет). (14) Руководство к этому известно. Господь любит радостно раздающего мирские сокровища; неужели еще больше не возлюбит Он того, кто радостно раздает духовные блага? А чтобы радость эта приходила вовремя, это уже зависит от милосердия Того, Кто это заповедал.

(15) Итак, ты прежде всего хочешь узнать об объеме рассказа, о том, как наставлять и обучать; а затем уже мы поговорим, как создать эту радость, которую тайно подает Господь.

3

(1) Рассказ для приступающего впервые к обучению верс будет целен, если начать его со слов Писания: «В начале сотворил Бог небо и землю» и довести до церковных событий настоящего времени. (2) Это отнюдь не значит, что ты должен всё Пятикнижие, все книги Судей, Царств и Ездры, всё Евангелие и Деяния Апостолов пересказать на память, если мы их выучили дословно, или, рассказывая своими словами, изложить всё содержание этих томов: времени не станет, да это и не нужно; охватим всё в общих главных чертах. Выбирай события и чудесные — их слушают с большим удовольствием, — и случившиеся в решительные моменты истории. Показывать их нужно сначала, как бы в обертке, и не убирать сразу же прочь, но задерживаться подольше, словно разворачивая вынутое из завязанного култика; предлагать душам слушателей то, что требует всматривания и вызывает удивление; остальное можно присоединить в беглом обзоре. (3) Благодаря таким пропускам больше выделится то, на чем мы хотим особенно задержать слушателя: он узнает это, не успев еще устать, а мы ведь как раз и хотим воодушевить его своим рассказом. И память человека, которого мы должны обучать, не будет перегружена и подавлена. Во всем, конечно, следует обращать внимание не только на цель наставлений, — это любовь от чистого сердца, добрая совесть и вера нелицемерная, — к этому следует сводить все наши слова, — но и взгляд того, кого мы этими словами поучаем, должен быть обращен к этому и на это устремлен.

4

Всё, о чем мы читаем в Священном Писании, написанном до прихода Господа, имеет целью приготовить к Его приходу и в прообразах показать будущую Церковь, Тело его, т. е. народ Божий, состоящий из всех племен; сюда же надо добавить и причислить всех святых, которые жили на этой земле до Его прихода и так же верили, что Он придет, как верим мы, что Он пришел.

(2) Иаков, еще до появления на свет, высунул из чрева руку, которой держался за ногу брата, родившегося первым; за ней последовала голова, а потом, разумеется, и прочие члены; голова, однако, по достоинству и значению, стоит выше не только членов, за ней следовавших, но и самой руки, при рождении ее опередившей; она первая — пусть не по времени появления, но по естественному порядку. (3) Так и Господь Иисус Христос, прежде чем явиться во плоти и выйти из чрева, из тайника Своего, и предстать глазам людей человеком, — Он, посредник между Богом и людьми, Он, Вышний всех, Господь, благословенный во веки, — в святых патриархах и пророках предпослал частично Тело Свое (т. е. Церковь), предвозвещая, словно рукой, грядущее рождение. И народ, горделиво выступавший впереди, он смирил, охватив его узами закона, словно пятью пальцами (ибо в течение пяти периодов⁹ времени Он не переставал возвещать о своем приходе и предсказывать его через пророков; в согласии с этим и тот, через кого дан закон, написал пять книг; гордецам, плотски мыслящим и желающим установить свою правду, Господь не дарует благословения раскрытой рукой. Он сжимает ее и отталкивает их; скованы ноги их, и они упали, а мы встали и стоим)¹⁰.

(5) И хотя, как я сказал, Христос Господь предпослал некую часть Своего Тела в лице святых, предшествовавших Ему по времени своего рождения, но Он Глава тела — Церкви; они же все прилепились к этому Телу, Главой которого является Он, ибо уверовали в Того, Кого предвещали. Они не удалены, как предшественники, а скорее присое-

динены, как последователи. Хотя голова и может отправить руку впереди себя, но рука всё же помещена ниже головы.

(6) Поэтому всё, что написано раньше, написано ради нашего поучения, всё это для нас прообразы и заключено там в прообразах; написано же ради нас, ибо на нас приходится конец мира.

5

(1) Зачем и пришел Господь, как не затем, чтобы явить Божию любовь к нам и показать всю ее силу: и хотя мы и доселе ведем себя, как враги, но Христос умер за нас, ибо главная заповедь — заповедь любви, и в ней исполнение закона. Возлюбим же и мы друг друга, и как Он положил за нас душу свою, так и мы будем полагать душу за братьев. И если мы не торопимся полюбить Бога — а Он еще раньше полюбил нас, не пожалел своего единственного Сына и отдал Его за всех нас — то, пожалуй, поторопимся ответить на любовь.

(2) Ничто так не склоняет к любви, как сознание, что ты уже любим. Пусть человек не хотел подарить своего расположения, отдарить им не захочет только грубая душа. (3) Мы видим это на примере постыдной и грязной любви: желающие быть взаимно любимы только и делают, что стараются всеми средствами, какие у них есть, обнаружить и показать, как сильна их любовь; они настаивают, как на чем-то справедливом, на своем требовании ответного чувства со стороны тех, прельстить кого усиливаются; почувствовав, что души, которых они добиваются, охвачены тем же огнем, они разгораются еще сильнее. Если и сонная душа просыпается, почувствовав, что она любима, если уже разогретая окажется в пламени, когда узнает, что ей отвечают любовью, то не ясно ли, что вот главная причина, по которой и возникает, и растет любовь: человек не любим или только надеется, что его смогут полюбить, и вдруг узнаёт, что он любим. А если он полюбил первым, он докажет свою любовь.

(4) Если так ведут себя люди, связанные любовью низкой, то насколько эти чувства сильнее в дружбе! Какую обиду дружбе нанести страшнее всего? Друг может подумать, что мы не любим его или любим меньше, чем он нас. Если он поверит этому, любовь его, которой наслаждаются люди в своей взаимной близости, станет прохладнее; если он не настолько слаб, чтобы от этой обиды охладеть ко всякой привязанности, он сохранит ее в той степени, которая не дает радости, но заставляет помогать¹¹.

(5) Стоит заметить, что хотя высшие и желают любви от низших, радуются их ревностному угождению, и чем больше его замечают, тем больше их любят, но гораздо сильнее любовь, которой загорается низший, заметив, что высший любит его. (6) Любовь души сухой и скудной хуже любви, изливающейся из души щедрой и доброй: та от страдания, эта от сострадания. Если низший отчаивался, что высший может его полюбить, то какой же ответной любовью взволнуется он (передать это словами невозможно), если вдруг высший удостоит показать ему, как он любит его, не смеявшего и мечтать о таком счастье. (7) А что выше Бога Судящего, что безнадежнее человека грешащего?¹² а если тем более он покорно вверил себя покровительству властителей горделивых, которые счастья ему дать не могут, то как же ему не отчаяться в заботе Властителя, Который не хочет возвышаться злом, но высок благостью?

(8) И Христос пришел именно для того, чтобы человек понял, как его любит Бог, а понял затем, чтобы вспыхнуть любовью к Тому, Кем был любим еще раньше, и, по Его приказу и указанию, полюбить ближнего — ближним его, ушедшего в дальнюю страну¹³, делает любовь. Всё Священное Писание, написанное раньше, написано, чтобы предвозвестить приход Господень; всё, что потом доверено письму и

укреплено Божественным авторитетом, повествует о Христе и побуждает к любви. Ясно, что весь закон и пророки основаны на этих двух заповедях о любви к Богу и к ближнему; к Священному Писанию, существовавшему тогда, когда Господь сказал это, добавлены Божественные книги, написанные нам на пользу и доверенные памяти. (9) В Ветхом Завете скрыт Новый, в Новом Завете раскрыт Ветхий. И вследствие этой сокровенности плотские люди, мыслящие по-плотски, и живут, как и жили, под страхом наказания. Вследствие этого раскрытия духовно мыслящие свободны по дарованной им любви — и тогда тем, кто благоговейно стучался, открывалось тайное, и теперь оно открывается смиренно вопрошающим — иначе и отверстое закроется. (10) А любви ничто так не противоположно, как зависть, мать же зависти — гордость. Поэтому Господь Иисус Христос, Бог и Человек — есть и Свидетель Божией любви к нам и пример человеческого среди нас смирения: да излечится наша великая надменность лекарством противодействующим и более сильным — смирением. Сильно страдание, ибо возгордился человек, но сильнее сострадание и смирение Бог.

(11) Поставь себе целью говорить об этой любви; пусть все твои слова возвращают к ней; что ни рассказываешь, рассказывай так, чтобы тот, к кому ты обращаешься, слушая, верил; веря, надеялся; надеясь, любил.

6

Из самой Божественной строгости, которой трепещут в спасительнейшем страхе людские сердца, следует выводить любовь: пусть человек радуется, что он любим Тем, Кого он боится, осмеливается отвечать любовью, и совестится не угодить Ему, Благоволящему, хотя бы и можно было сделать это безнаказанно. (2) Очень редко, да нет, никогда не бывает так, чтобы человека, по доброй воле ставшего христианином, хоть как-то не пронзило страхом Божиим. Если же он видит в христианстве единственное средство расположить к себе людей, от которых ждет каких-либо благ, или в расчете уклониться от беды, — от нападок и вражды людей, ему страшных, — то он хочет не стать христианином, а только им притвориться. Вера требует не поклонов, а верующей души.

(3) Часто Господь оказывает свое милосердие через катехизатора: тронутый его речью, человек захочет действительно стать тем, кем прежде решал только притвориться. Когда в нем начнет возникать это желание, тогда и будем считать, что он пришел. (4) От нас сокрыто, когда придет душой тот, кого в телесном облике мы перед собой видим; тем не менее мы должны вести себя с ним так, чтобы у него возникло это желание, даже если сейчас его нет. Если же оно есть, то ущерба от такого нашего поведения не будет; оно только укрепит это желание, хотя мы и не знаем когда, в какой час оно появилось. Хорошо, конечно, если есть возможность предварительно справиться у тех, кто знает этого человека, в каком состоянии его душа, какие причины подвигли его принять христианство. Если нет человека, от которого можно было бы это узнать, нужно расспросить самого пришедшего и, сообразуясь с его ответами, и начать свою речь. (6) Если перед нами притворщик, который ищет земных благ или бежит от беды, то он, конечно, будет лгать, и с этой его лжи, отнюдь ее не опровергая, как заведомо тебе известную, ты и начинай свою беседу. Раз он сказал, что пришел с намерением, заслуживающим одобрения, то, говорит он правду или лжет, но одобряя и похвалив намерение, с которым, судя по его ответу, он явился, мы заставим его почувствовать удовольствие от того, что он именно таков, каким хочет казаться.

(7) Если же слова его не соответствуют чувству, которое должно

быть в душе человека, желающего проникнуться христианской верой. то укори его, с лаской и кротостью, как неотесанного невежду, и кратко, в словах торжественных, покажи и восхвали истинное значение христианского учения. Не занимай этим времени, назначенного для рассказа, и не смей влагать его в душу еще неустроенную: сделай, чтобы он захотел того, чего по заблуждению или притворству не хотел¹⁴.

(8) Если же вдруг он скажет, что хочет стать христианином, наставленный к тому или устрашенный свыше, то вот прекраснейший повод заговорить о том, как печется о нас Господь. (9) Надо, конечно, отвлечь внимание этого человека от таких чудес и сновидений¹⁵, и устремить его на твердую дорогу — к Священному Писанию и действительным чудесам. Пусть знает, однако, сколь милосердно было наставить его еще раньше, чем он занялся Священным Писанием. (10) И обязательно покажи, что Господь Сам не наставил бы его и не побудил стать христианином и присоединиться к Церкви, не поучал бы его знамениями и откровениями, если бы в Священном Писании не был уже уготован путь, на котором ему надо искать не чудес видимых, но надеяться на невидимое, слушать наставления не во сне, а наяву, пожелав и в дальнейшем в спокойствии и безопасности идти этим путем.

7

(1) Начинать рассказ надо с того, что Господь сотворил всё очень хорошим, и довести его, как мы и сказали, до нынешних церковных событий. Надо указать причину и смысл всего, о чем мы рассказываем: это поможет свести весь рассказ к главной цели — к любви, от нее нельзя отводить глаз, что бы ты ни делал, что бы ни говорил. (2) Хорошими учителями считаются грамматики¹⁶, пытающиеся извлечь некоторую пользу (пусть мнимую, жадную до мирского корма!) из рассказов, выдуманных поэтами для услаждения душ, которые питаются пустяками. Насколько мы должны быть осторожнее! нельзя, чтобы правдивому рассказу поверили в силу его пустой завлекательности или из жадного и опасного любопытства — а так и будет, если излагать только события, не указывая их причин. (3) Не будем, однако, нанизывать эти причины, не будем оставлять колею рассказа, чтобы не запутаться и мыслью и речью в извилах трудного рассуждения; пусть истинный указанный нами смысл окажется как бы той золотой нитью, которая соединяет в один ряд драгоценные камни, но ничем лишним не нарушает стройный лад украшения. (4) Закончив рассказ, внушим надежду на воскресение. Соображаясь с умственными силами слушателя и отпущенным нам временем, опровергнем пустые насмешки язычников по поводу воскресения тела, расскажем о Страшном Суде, добром к добрым, суровом к злым и справедливым ко всем; вспомнив с отвращением и ужасом муки грешников, восхвалим царство праведных и верных и вздохнем о Небесном граде и его радостях.

8

(1) Тогда же надо вооружить и укрепить человека — он слаб — против искушений и соблазнов — придут ли они извне или изнутри самой Церкви — извне от язычников, иудеев и еретиков; изнутри — от мякны¹⁷ на току Господнем. Не надо спорить в отдельности с каждым учением этих совратителей; опровергнем, задав несколько вопросов, их извращенные мнения; кратко, в зависимости от времени, укажем, что так было и предсказано; в чем для верных польза от знакомства с искушениями и как укрепляет нас пример Божественного терпения: Господь разрешил быть всему этому до конца дней.

(2) Давая оружие против тех развратников, которые заполняют церкви своими телами, напомним, в краткой и пристойной форме, с

кем указано общаться добропорядочному христианину: нельзя допустить, чтобы его легко сбивали с пути пьяницы, скупцы, обманщики, игроки, прелюбодей, развратники, любители зрелищ, составители богомерзких снадобий¹⁸, заклинатели¹⁹, астрологи, гадатели, гадающие любым лживым и дурным способом; пусть он не считает, что общение с ними пройдет безнаказанно, потому что он видит много людей, называющихся христианами, которые всё это любят, этим занимаются. это защищают и убежденно к этому склоняют. Свидетельством Божественных книг следует подтвердить, какой конец предназначен увязшим в такой жизни и почему терпят их в Церкви, от которой они в конце будут отлучены. (3) Следует, однако, предупредить, что он найдет в Церкви много хороших христиан, истинных граждан Небесного Иерусалима, если сам будет становиться таким же.

(4) В заключение старательно убеждай не возлагать своих надежд на человека: человеку трудно судить, кто праведен, а если бы и было легко, то не за тем предложены нам в пример праведники, чтобы через них оправдаться, а чтобы, подражая им, мы знали, что Тот, Кто оправдал их, оправдает и нас.

(5) Так и создается самое важное: слушающий нас слушает через нас Бога, начинает совершенствоваться и в нравах, и в знании, бодро вступает на путь Христов, не осмеливаясь ничего приписывать ни нашим, ни своим заслугам; и себя, и нас, и каждого друга своего, которого любит, он любит в Нем и ради Него. Кто полюбил его, врага Себе, чтобы оправдать и сделать другом. В совете говорить кратко, я думаю, ты не нуждаешься — и ты, и слушатели твои — люди занятые. Если со временем просторно, то и говори пространнее: как действовать, покажут сами обстоятельства; никаких указаний не нужно.

9

(1) Никак нельзя пройти мимо такого случая: к тебе, как катехизатору, пришел человек ученый: он уже решил быть христианином и пришел стать им. Он, конечно, многое узнал из нашего Писания и наших книг; уже наставленный ими он пришел только, чтобы получить возможность приступить к Таинствам. Такие люди обычно еще до того часа, как стать христианами, тщательно до всего допытываются, общаются, кому только могут, о своих колебаниях и обсуждают их.

(2) С ними не распространяйся; им нельзя досаждать, повторяя то, что они сами знают; коснись этого слегка и говори так: мы верим, как им известно, так-то и так-то; бегло перебери всё, что невеждам и людям без образования тебе приходится вдавливать; пусть этот ученый не выслушает, как от учителя, то, что он уже знает; а если ему что-то еще неизвестно, вспомни об этом, как о том, что он, — мы в этом убеждены, — знает, и пусть таким образом он это и усвоит.

(3) Не бесполезно расспросить его, что вызвало в нем желание стать христианином: если увидишь, что его убедили книги, может быть, канонические, может быть, чьи-то полезные произведения, то поговори сначала о последних, хваля в зависимости от их разной канонической авторитетности, от умения и старания их авторов; особенно подчеркивай в канонических Писаниях — они глубины изумительной — их спасительную и смиренную простоту; что же касается тех книг, то обрати внимание, что по своему языку, звучному и обработанному, — в меру авторского таланта, — они приспособлены для душ гордых и потому бессильных.

(4) Надо также выведать у него, кого он больше всего читал, какие книги ему известны и ближе, откуда у него желание присоединиться к Церкви. (5) Если он назовет книги, нам известные, или о которых в Церкви идет молва, что они писаны человеком православным и достопамятным, то радостно одобрить это чтение. (6) Если же ему попались

книги какого-нибудь еретика, и он, усвоив их содержание, считает себя православным, не зная, может быть, чего не одобряет истинная вера, то такого надо поучать и поучать, в первую очередь ссылаясь на авторитет всей Церкви и на творения учнейших мужей, утвердившихся в ее истине. (7) Были, правда, люди, которые ушли из этой жизни, как православные, и оставили кое-какие писания потомкам христианам; но, по непониманию ли, по бессилию ли — такова уж человеческая немощь — проникнуть умом в сокровенное, они кое-где в своих трудах уклонились от истины к ее подобию, и для дерзких выскочек это как раз оказалось удобным случаем приложить свои силы к созданию ереси. (8) Тут нечему удивляться: даже в канонических книгах, где каждое слово здраво, кое-что можно понять иначе, чем думал писавший²⁰, или в чем выражает себя истина (если бы было только так, кто охотно не простил бы человеческой немощи, с готовностью исправляющей ошибки?). Но они, мысля извращенно и ложно, защищаясь со страстной горячностью и дерзким упорством, создали много опасных догматов и раскололи церковное единство.

(9) Обо всем этом надо в тихой беседе поговорить с ним, не простецом, а человеком, вынесшим из чтения ученых книг высокую культуру и пришедшим в круг Христова народа. Храни авторитет наставничества, но берегись оступиться и показать свое превосходство; следи за мерой его смирения, приведшего этого человека к нам. (10) В остальном же, согласно правилам спасительного учения, надо рассказывать и рассуждать о вере, о нравственности, об искушениях, быстро перебирая, как я и говорил, все эти вопросы, и всё относить к тому, самому высокому, пути.

10

(1) Приходят также люди из обычных грамматических и риторических школ; считать их простецами и не думай, но не относись к тем ученым, чей ум изощрен размышлениями о высоком²¹. (2) Этим людям, которым кажется, будто они, благодаря искусству речи, превзошли всех остальных людей, мы должны, если они приходят, желая стать христианами, уделить внимания больше, чем безграмотной толпе, потому что им надо внушать и внушать, чтобы, облекшись христианским смирением, они привыкли не смотреть свысока на тех, кто выучился избегать нравственных пороков больше, чем словесных ошибок²²; пусть не смеют свою речь, которой они привыкли кичиться, сравнивать с речью воспитанной на уроках чистого сердца. (3) Самое же главное — научить их слушанию Священного Писания: пусть не брезгают речью, полной содержания, потому что в ней нет напыщенности²³, и пусть знают, что тот плотный покров, в который завернуто и под которым скрыто в этих книгах повествование о словах и делах человеческих, надо развернуть и снять затем, чтобы понять его смысл, а не просто слушать, как звенят буквы²⁴; покажи этим людям на их собственном опыте, как полезна сокровенность (отсюда слово «мистерии»), каким образом загадки прогоняют лень и скуку и заставляют искать истину именно потому, что они ее прячут: какой-то ясный рассказ не произвел на них никакого впечатления — и вдруг: распутывается аллегория и извлекается некий тайный смысл. (4) А самое для этих людей полезное — понять, что как душу предпочитают телу, так и словам надо предпочитать мысли²⁵. Из этого же следует, что должны они с большим удовольствием слушать речи правдивые, а не красноречивые, как и друзей себе желать скорее разумных, чем красивых.

(5) Пусть знают, что единственный голос, который доходит до Божьих ушей, это голос сердечного чувства; тогда они не станут смеяться, заметив, что кое-кто из священников и церковных служителей призывают Бога с варваризмами и солесизмами или даже не понимают

произносимых слов и путаются в их расстановке²⁶. (6) Нужно, конечно, это исправлять, чтобы народ понимал, на что он отвечает «аминь», но любовно это терпеть, зная, что на форуме похвальны звучные слова, а в церкви молитва: иногда хорошее произношение, имеющее такое значение на форуме, может ничего не значить в церкви.

(7) Что касается танства, которое они примут, то тем из них, кто потолковее, достаточно послушать, в чем его значение; с теми, кто менее сообразителен, надо поговорить подробнее, прибегая к сравнениям, чтобы они не отнеслись презрительно к тому, что видят.

11

(1) Ты, может быть, желал бы получить образец речи, хочешь, чтобы я тебе на деле показал, как выполнять мои советы. Я это сделаю, когда, с Божией помощью, смогу, но сначала я должен сказать о том, как создать ту радость, о которой обещал рассказать. (2) Свое общение наставит тебя в том, как говорить с человеком, желающим стать христианином, и как его поучать, я, по-моему, выполнил целиком. На мне нет долга сделать в этой книге то, что, по моим советам, надлежит делать. Но я все-таки это сделаю, чаша окажется переполненной, а на каком основании я буду переливать через край, не долив еще нужной меры?

(3) Главная твоя жалоба на то, что когда ты ведешь человека к имени христианина, то речь твоя начинает тебе казаться скучной и противной. Знаю также, что это не от недостатка знаний — мне известно, что ты достаточно подготовлен и научен, — и не от бедности языка, а от душевной неудовлетворенности. (4) Происходит ли это потому, что нас больше привлекает и захватывает то, что мы молчаливо созерцаем умом, и мы не хотим отрываться от этого созерцания для столь с ним несхожего словесного треска, или потому, что если даже нам и нравится наша речь, то всё же слушать или читать приятнее: и сказано лучше и без хлопот и забот для нас. Тут же сразу надо подбирать слова, приспосабливая их к чужому разумению, причем нет уверенности, соответствуют ли они мыслям и с пользой ли воспринимаются. А потом скучно повторять всё время и втолковывать новичкам одно и то же; нам это так известно, для нашего продвижения не нужно, и подросшая душа без всякого удовольствия шагает по торной, проложенной для детей дороге. (5) Скучно говорить слушателю, который неподвижно сидит перед тобой (потому ли, что он ничем не взволнован, потому ли, что не хочет показать ни одним жестом, понимает ли он то, что мы говорим, и нравится ли ему это). Не подобает нам, конечно, жадно искать людской похвалы, но ведь мы подаем Божественную пищу, и чем милее нам те, с кем мы говорим, тем горячее мы желаем, чтобы им понравилось то, что предлагается для их спасения; если удачи нет, мы огорчаемся и тут же на ходу слабеем и пошнякаем, как от зря затеянного дела. (6) Иногда нас отрывают от дела, которым мы хотели заняться, которое нам доставляло удовольствие или казалось более необходимым, и по приказу ли человека, которого не хотим обидеть, или по чьему-то настоятельному требованию, уклониться от которого нельзя, мы вынуждены кого-то обучать. Мы расстроены — а приступаем к делу, которое требует полного спокойствия, — нам грустно потому, что мы не можем сохранить в наших занятиях желательный порядок и во всем успеть; речь наша от огорчения становится не очень приятна: печаль ее обессиливает и сушит. (7) Бывает, что сердце наше охвачено скорбью от каких-то неурядиц²⁷, а нам говорят: «ступай, поговори с ним, он хочет стать христианином». Говорят это люди, не знающие, что скрыто в нашем сердце и что жжет нас; если им не следует открывать наших чувств, то мы неохотнее беремся за то, чего от нас ждут. Речь наша,

пройдя через сердце, которое горит и дымится, будет действительно вялой и неприятной. (8) Какова бы ни была причина, облаком затянувшая ясность нашей души, но лекарств надо искать у Бога; да ослабнет напряжение наше, да возвеселимся, горя духом, и принесем радость другим своим спокойным добрым трудом. Ибо «радостно дающего любит Бог».

12

(1) Бывает, мы огорчены потому, что слушатель не понимает наших мыслей, и мы вынуждены, спустившись с высот, топтаться внизу и твердить азы, а мы ведь были так озабочены, в каких бы длинных и сложных извивах изложить плотскими устами то, что мгновенно поглотит и впитает ум. Всё выходит настолько по-другому, что становится противно говорить и хочется молчать. Подумаем тогда, что предуказано Тем, Кто дал нам пример: да следуем по стопам Его. (2) Как бы ни отличалась наша членораздельная речь от нашего живого ума, но еще больше разницы между плотью с ее смертностью и Божеством с Его неизменностью. И, однако, «Он, будучи Богом, унижил Себя самого, приняв образ раба.., смирил Себя до смерти крестной». А для чего? Он стал слабым для слабых, чтобы привлечь слабых. Услышь другие слова того, кто Ему следовал: «если мы выходим из себя, то для Бога; если сдерживаем себя, то для вас. Любовь Христова побуждает нас судить так, ибо Один умер за всех». Мог ли бы Он с готовностью отдать жизнь за их души, если бы Ему опротивело склоняться к их ушам? (4) Потому и стал Он меньшим среди нас, пестуя, как кормилица, детей Своих. Бормотать искалеченные обрубки слов приятно потому, что это подсказывает любовь: люди хотят иметь детей и так с ними и разговаривать; матери слаще вкладывать маленькому сыну из своих уст крохотные кусочки, чем самой жадно сжевать большущий кусок. (5) Да не оставляет сердца твоего мысль о курице, истомленной²⁸ и всё же прикрывающей своими перьями крохотных цыплят; охрипшим голосом созывает она своих пискунов; если они возмнят о себе и не будут прятаться под ее ласковыми крыльями, они станут добычей хищных птиц. Если радостно предаваться чистому размышлению в самых глубоких тайниках души, то радостной должна быть и эта мысль: чем с большей готовностью послужить спускается любовь твоя к слабым, тем больше крепнет она и проникает существо твое от сознания, что ты ничего не ищешь от тех, к кому спускаешься, кроме их вечного спасения.

13

(1) Если мы больше стремимся почитать или послушать уже готовое и лучше сказанное и нам поэтому скучно приравливать свои слова к данному случаю, причем без уверенности в успехе, то пусть только душа твоя не отходит от истины. Не беда, если слушателя твоего заденет что-то в словах твоих: он тут же поймет, что если суть усвоена, то совершенно безразлично, была ли твоя речь менее чистой, и звучала ли менее выразительно — звучала она ведь затем, чтобы он понял суть. (2) Если же, по человеческой слабости, ты отойдешь от самой истины — при обучении невежд, когда надо держаться самой избитой дороги, это, правда, случается очень редко — если же все-таки случится, и как раз это заденет слушателя, то мы должны считать, что случилось так только потому, что Бог хочет испытать нас: спокойно ли сознаемся мы в своей ошибке: да не впадем, защищая свое заблуждение, в заблуждение еще большее. Если никто нам этой ошибки не укажет, и ни мы, ни слушатели наши ее не заметили, то печалиться нечего — только бы не повторить ее. (3) Чаще всего мы сами, переделывая свою прежнюю речь, что-то в ней оуждаем, даже не зная, как она была воспринята; но особенно огорчаемся, если горим любовью и видим, что наша лож-

ная мысль воспринята была с удовольствием. Поэтому, улучшив удобный случай, постараемся (мы ведь в тишине сами себя охуджали) постепенно исправить и тех, кого не Божии слова, а наши собственные натолкнули на ложные мысли.

(4) Если же нашему заблужденно радуются ослепнувшие в безумном злорадстве сплетники, хулители, люди ненавистные Богу, то да послужат они нам к воспитанию терпения и милосердия: ведь и Господь терпением Своим доводит их до раскаяния. Что отвратительнее, что больше собирает гнев на день гнева и праведного суда Божия, как не радость чужой беде, которой, на беду себе, подражаем мы дьяволу и уподобляемся ему?

(5) Иногда всё сказано верно и правильно, но что-то непонятно, или же мысль, несогласная с мнением слушателя и его привычным, застарелым заблуждением, резнула его самой своей новизной. — он задет и смущен. Если это обнаружилось, и он поддается лечению, то его надо лечить без промедления, приведя ему множество авторитетных соображений. (6) Если он молчит, затаив обиду, помочь Своим лекарством может Господь. Если же он кинется прочь и откажется от врачевания, утешимся примером Господа: когда люди, задетые Его словами, будто бы жестокими, отошли от Него, он сказал оставшимся: «не хотите ли и вы уйти?» (7) Следует крепко-накрепко запомнить и никогда не забывать, что Иерусалим, плененный Вавилоном века сего, по истечении времени освобожден будет и никто оттуда не погибнет; кто погиб, тот был не оттуда. «Твердо стоит основание Божие, и запечатлено на нем: знает Господь своих, и да отступит от неправды всякий, призывающий Имя Господне».

(8) Думая об этом и призывая Бога в сердце наше, мы будем меньше беспокоиться о том, что нам неизвестно впечатление от нашей речи, ибо неизвестны и чувства слушателей; нам будет радостно, творя дело милосердия, терпеть тяготы (если мы не ищем в этом своей славы). Тогда только дело будет хорошим, когда работника гонит на него любовь, и он, сделав его, отдыхает в этой любви, словно вернувшись к себе домой. (9) Мы говорим лениво и скучно, потому что есть книга, доставляющая нам удовольствие, или же нам скорее хотелось бы слушать прекрасную проповедь, а не произносить свою, но ведь всё это встретит нас — и мы будем веселее, и всё после работы покажется приятнее. С большей уверенностью будем мы просить Бога возвещать нам то, что мы хотим, если радостно возьмем на себя возвещать слова Его так, как можем; вот и оказывается, что для любящих Бога всё ведет к добру.

14

(1) Если нам опротивело всё время повторять слова привычные, приуроченные к детскому пониманию, то приурочимся сами к этим детям, полюбив их братской, отцовской, материнской любовью; соединим сердца наши, и эти слова даже нам покажутся новыми. Такова сила сочувствующей души: когда их трогают наши слова, мы, пока они учатся, вселяемся в них, а они в нас; слушатели словно говорят в нас, и сами мы как-то в них учимся тому, чему учим. (2) Разве обычно не случается так: часто видя в городе и в деревне места обширные и прекрасные, мы проходим мимо, не испытывая уже никакого удовольствия; когда же мы показываем их тем, кто их раньше не видел, то, от их восхищения новым, оживает и наше восхищение? чем ближе нам эти люди, тем это чувство сильнее: поскольку, любя их, мы в них живем, постольку и для нас старое становится новым. (6) Но если созерцание предметов способствовало нашему преуспеянию, то мы не захотим радовать и приводить в изумление тех, кого любим, предлагая им вглядываться в дела рук человеческих; мы захотим поднять их: показать искусство и замысел самого Устроителя, а затем вознести их к вос-

хищенному восхвалению Бога, Творца всего — это полное завершение любви. (4) Насколько сильнее должны мы радоваться, когда люди приходят, чтобы узнать Бога, ради Которого надо знать всё, что стоит знать, когда можно освежиться свежестью их восприятия настолько, что наше обычное холодное изложение согревается от их необычного внимания. (5) И еще прибавит нам радости мысль о том, что человек от мертвящих заблуждений перешел к животворящей вере. И если мы весело шагаем по самым знакомым улицам, потому что случилось помочь человеку и показать усталому и заблудившемуся дорогу, то насколько бодрее и радостнее должны мы пройти из конца в конец по этому спасительному учению, хотя нам и не нужно объяснять его вновь? жалкую, усталую от мирских заблуждений душу мы выводим на пути мира — и по велению Того, Кто поручил ее нам.

15

(1) Бывает, действительно, очень трудно довести речь до назначенного себе конца, когда мы видим, что слушатель остается бесчувственным — потому ли, что не осмеливается ни словом, ни жестом выразить свое одобрение из религиозного страха, или сдерживает себя по человеческой застенчивости; может быть, он не понимает наших слов, может быть, относится к ним с пренебрежением. В чем дело, нам неизвестно; душу его мы не видим и должны в своей речи испробовать всё, что сможет его разбудить и словно вытащить из норы. (2) Чрезмерный страх, мешающий обнаружить свое суждение, надо прогнать ласковым уговором; умерить застенчивость, твердя о братском общении; задавая вопросы, поискать, что ему непонятно, и внушить уверенность, что он может свободно возражать, если ему это покажется необходимым. (3) Надо выпросить, не слышал ли он уже когда-то то же самое, — и, может быть, слова наши, как нечто общеизвестное и знакомое, его и не трогают. Поступать надо в соответствии с его ответом: говорить проще и яснее; опровергать мнения противоположные; на том, что известно, долго не задерживаться, а пересказать это кратко и сжато. Выберем из Священного Писания — особенно для рассказа — что-нибудь, что имеет таинственный смысл; объясняя и раскрывая его, мы можем сделать свою речь такой приятной. (4) Если же наш слушатель очень туп и невосприимчив к наслаждению такого рода, то надо милосердно потерпеть его; кратко пробежать остальное и вбивать, пугая будущим судом, самое необходимое: о единстве Православия, об искушениях, о христианском образе жизни. Надо больше говорить о нем Богу, чем ему о Боге.

16

(1) Часто бывает, что вначале человек слушал охотно, а затем, устав слушать или стоять, раскрывает рот не для хвalebных слов, а для зевка, невольно тем обнаруживая, что хочет уйти. (2) Заметив это, дадим отдохнуть его душе: приправим наши слова веселой шуткой, пристойной и подходящей для нашей темы, расскажем о чем-нибудь удивительном и потрясающем или печальном и горестном, а главное — поговорим о нем самом, чтобы он вострепнулся, смущенный заботой лично о нем — нельзя при этом задеть его самолюбие какой-нибудь резкостью, а надо расположить к себе дружеским обхождением и помочь, принося сидение. Несомненно лучше сделать так, — где сделать это благопристойно, — чтобы слушатель с самого начала сидел. В некоторых заморских церквах существует очень разумный обычай: священники не только говорят, сидя, но и сами предлагают народу сиденья: нельзя, чтобы человек слабый, устав от стояния, отвратился от своего самого здравого намерения или был даже вынужден уйти.

(3) И очень важно различать, выбирается ли из толпы, чтобы передохнуть, человек уже связанный с ней общностью таинств, или уходит

тот, кого надо впервые к таинствам приобщить: чаще всего он уходит потому, что вынужден уйти, — иначе он свалится от недомогания; сказать, почему он идет, ему стыдно, а стоять не позволяет слабость. Говорю это по опыту: один крестьянин ушел в то время, как я наставлял его в вере. Для меня это был урок большой внимательности. (4) Можно ли в самом деле терпеть наше чванство: взрослым людям, братьям нашим, и тем, кого сделать себе братьями должно быть главной нашей заботой, мы не позволяем перед нами сидеть, а ведь Самого Господа нашего, которому прислуживают ангелы, женщина слушала, сидя. (5) Если, конечно, проповедь будет краткой, или место не приспособлено для сидения, тогда пусть слушают стоя, но только в том случае, если слушают много людей, и это не новоначальные. Если же пришли стать христианами один, двое или несколько человек, то говорить с ними, оставив их стоять, опасно.

(6) Если, однако, мы уже так начали, то, заметив, что слушатель томится, предложим ему сейчас же сидение, больше того, заставим его сесть и расскажем что-нибудь, что его освежит и даже прогонит заботу, если она вдруг ворвалась в его душу и отвлекла от слушанья. (7) Так как нам неизвестно, почему он молчит и не слушает, то, когда он уже сел, расскажи ему весело или с печалью что-нибудь в осуждение мирских, внезапно возникающих помыслов. Если как раз они занимали его ум, то они уйдут, словно обвиненные поименно; если дело не в них, и он просто устал слушать, и мы скажем о них, будто дело именно в них, что-нибудь неожиданное, из ряда вон выходящее, то внимание оживится. Только говори коротко — особенно если вставляешь что-то вне общего плана, — чтобы болезнь скуки, которую мы хотим излечить, не усилилась от самого лекарства. И с остальным следует поспешить: надо пообещать и показать, что скоро конец.

17

(1) Если же ты сокрушаешься потому, что тебе пришлось оставить другое дело, которому, как более необходимому, ты отдавался всей душой, и ты, помрачнев, обучаешь вере так, что тебя противно слушать, то подумай вот о чем: не будем говорить об известном нам правиле: в чем бы ни выражалась наша деятельность среди людей, она должна быть проникнута состраданием и самой искренней любовью — не будем говорить об этом правиле, но ведь неизвестно, что нам полезнее делать и где уместнее приостановиться, а то и вовсе остановиться.

(2) Мы ведь не знаем, каковы перед Богом заслуги тех людей, для которых мы работаем; о том, что им сейчас полезно, мы вовсе не догадываемся или строим очень шаткие и неверные предположения. Поэтому порядок наших дел мы должны устанавливать, памятуя о мере нашего разумения; если мы смогли выполнить всё, как наметили, то порадуемся, что по Божией воле (не по нашей) всё в таком порядке и делалось. Если же, по какой-то необходимости, этот порядок наш будет спутан, давай легко согнемся, чтобы нам не сломаться; пусть своим станет для нас порядок, который Бог предпочел нашему. Правильнее ведь, чтобы мы повиновались Его воле, а не Он нашей. И порядок, в котором мы располагали наши дела и которого хотели по своей воле придерживаться, заслуживает, конечно, одобрения только в том случае, если более важное поставлено впереди. (3) Мы, следовательно, печалимся, что Господь Бог в Его могуществе стоит впереди людей, и по любви к своему порядку стремимся утратить всякий порядок в жизни? Лучше всего располагает свои дела человек, который с готовностью отказывается от дела, запрещаемого Божественной властью, а не тот, кто жадно хватается за дело, измышленное человеческим умом. «Ибо много мыслей в сердце человека, совет же Господень остается на века».

(1) Если душа твоя в смятении от каких-то неурядиц в Церкви и поэтому речь твоя не может быть спокойной и приятной, то всё же надлежит иметь такую любовь к тем, за кого умер Христос, пожелавший своей кровью искупить их от смерти, следствия мирских заблуждений, что самая весть нам, сидящим в печали: «тут вот какой-то человек желает стать христианином» должна утешить нас и разогнать нашу печаль: ведь радость от прибытка смягчает печаль от убытка. (2) Мы огорчаемся, что кто-то преткнулся, только в том случае, если думаем или видим, что он погибает сам или через него погибает другой, слабый человек. (3) И человек, пришедший вступить в Церковь и подающий надежду на преуспевание, да сотрет печаль об ушедшем. И если в нас затаился страх, как бы прозелит не оказался сыном геенны — много таких толчется у нас перед глазами; от них-то и идут все жгучие неурядицы, — то это должно нас не приостанавливать, а скорее ободрять и подстрекать. (4) Будем убеждать наставляемого, да остерегается он подражать тем, кто христиане только по имени, а не по существу; смущенный их множеством, да не захочет идти за ними и откажется ради них идти за Христом; да не откажется остаться в Церкви Божией, где есть и они, да не захочет быть в ней таким, как они. (5) Не знаю, каким образом, но эта, увещательная, речь наша становится горячѣй; наша боль разжигает этот огонь; мы не медлительны; слова наши пламенны и сильны; будь мы в спокойном состоянии, мы говорили бы более холодно и вяло. Порадуемся же, что нам дан случай пережить душевную тревогу, принесшую плоды.

(1) Если же охватывает нас печаль: в чем-то ошиблись, в чем-то согрешили, то вспомним не только: «жертва Богу дух сокрушен», а также и другие слова: «как огонь водой, так грех погашается милостыней». И еще: «милости хочу, а не жертвы». (2) Если у нас пожар, мы кинемся, конечно, за водой, чтобы его залить, и будем благодарны человеку, который покажет ее по соседству; если из нашего сена пробилось греховное пламя, и мы в смятении — и вдруг представляется случай совершить дело милосердия, — возрадуемся, словно показан источник, черпая откуда потушим огонь. Не будем, однако, глупцами: не подумаем, что надо кинуться скорее с хлебом, чтобы насытить желудок голодного, а не со Словом Божиим, чтобы наставить душу вкушающего это слово. (3) Добавим к этому: не думай, будто поступить так — на пользу, а не поступить — не ко вреду; на горе себе отвергнем мы предложенное лекарство: в опасности ведь спасение — даже не ближнего, а наше собственное. (4) Как грозно звучат слова Господа: «раб негодный и ленивый, ты мог отдать деньги мои менялам!» Не безумие ли, чувствуя, как грех нас душит, снова хотеть грешить и не отдать денег Господних желающему и просящему?

(5) Разогнав такими мыслями и соображениями туман скуки, настроимся на преподавание, дабы с удовольствием впитывались слова, неутомимо и радостно рвущиеся от прензбытка любви. (6) Это не столько говорю я тебе, сколько всем нам говорит сама любовь, влитая в сердца наши Духом Святым, нам данным.

(1) Теперь я сделаю и то, чего не должен был делать, не дай раньше обещания. Ты, может быть, и требуешь это с меня, как долг: развернуть перед тобой и дать тебе для изучения образчик проповеди, с которой я бы обратился к новонаначальному.

(2) Прежде чем я начну, подумай, пожалуйста, о том, что у автора,

диктующего свое произведение для будущего читателя, намерения одни, а у проповедника, обращающегося к стоящему перед ним слушателю, другие; и у него они разные в зависимости от того, увещевает ли он кого-то с глазу на глаз, когда судить о его словах некому, или учит чему-то в окружении инакомыслящих слушателей; поучает ли одного, а прочие только слушают уже знакомо им, обсуждают и подтверждают его слова; или все сообща ожидают речи, обращенной к ним ко всем; усаживается ли он и завязывает своего рода частную беседу или будет говорить с возвышения, а весь народ в молчании внимательно станет глядеть на него одного, ожидая, что он скажет. В этом случае очень важно, много присутствующих или мало, образованные это люди или невежды, или в смешении одни с другими; горожане это или сельские жители или и те и другие; не очень ли разнообразен и состав всего народа. (3) Не может быть, чтобы все они действовали одинаково на собравшегося говорить; как на речь накладывает свой отпечаток чувство говорящего, и она действует на слушателей по-разному в зависимости от разницы между ними, так и сами они взаимно по-разному действуют друг на друга одним своим присутствием. (4) Так как у нас сейчас идет речь о том, как учить новоначальных, то я сам скажу о себе: я испытываю совершенно разные чувства, смотря по тому, вижу ли я перед собой в качестве ученика ученого или невежду, гражданина или чужеземца, богача или бедняка, человека частного или магистрата, занимающего некий пост; человека того или другого народа, того или другого возраста и пола, пришедшего из той или другой секты, от тех или других обычных заблуждений. И от разницы в моих чувствах зависит и начало, и продолжение, и конец моей речи. (5) И хотя с одинаковой любовью должно относиться ко всем, но одинаковое лечение ко всем применять нельзя; сама любовь рождает в муках одних, болеет с другими; одних старается поставить на ноги; трепещет обидеть других; к одним склоняется, к другим непреклонна; к одним ласковая, к другим суровая, никому не враждебная, она всем мать. (6) Человек, не испытывавший той любви, о которой я говорю, считает нас счастливыми, ибо видит, что нмя наше на устах толпы, восхваляющей нас (я доставляю ей удовольствие благодаря кое-каким данным мне способностям); Господь же, к Которому поднимаются вздохи окованных, да видит смирение наше и труд наш и да отпустит все грехи наши. (7) И если тебе что-то у нас нравится и ты хочешь наших замечаний на твою проповедь, то ты лучше усвоишь всё, видя за этим делом и слушая меня, а не читая написанное под мою диктовку.

21

(1) Предположим, что к нам пришел человек, который хочет стать христианином, человек простой, но не из деревенских, а горожанин,— с такими ты в Карфагене чаще всего и вынужден иметь дело. На вопрос, хочет ли он стать христианином ради каких-то выгод в здешней жизни или ради покоя, на который надеются после этой жизни, он ответил, что ради будущего покоя. Тогда мы наставим его, пожалуй, таким словом:

(2) Возблагодарим Бога, брат, поздравляю тебя и радуюсь, что среди множества таких опасных бурь этого мира ты подумал о настоящей и верной безопасности. (3) И в этой жизни люди много трудятся, ища покоя и безопасности, и не находят, ибо извращены желанья их. Они хотят найти покой в беспокойном и преходящем; оно уходит, похищаемое временем, тревожит страхом и печалью и не дает успокоиться. (4) Человек ищет покоя в богатстве: оно придаст ему гордости, но не отнимет забот. Разве мы не видим, сколько людей его внезапно потеряли, а сколько из-за него даже погибли, или в жадной погоде за ним, или, под бременем его, от руки людей более жадных? а если бы оно ос-

тавалось с человеком на всю его жизнь и не покинуло своего любителя, он сам покинул бы его, умирая. Долга ли у человека жизнь, если даже он доживет до старости? и желая себе старости, чего желают люди, как не длительной дряхлости? а что такое мирские почести? — чванство, пустота и угроза крушения. Поэтому в Священном Писании и сказано: «всякая плоть — сено, и людская слава, как цветок из сена. Сено высыхает, опадает цветок; слово же Господне пребывает во веки». (6) Поэтому тот, кто хочет настоящего покоя и настоящего счастья, должен надеяться не на смертное и преходящее, а возложить надежды свои на Слово Божие: прилепившись к тому, что пребывает во веки, да пребудет и сам во веки.

(7) Есть и такие люди, которые не ищут стать богатыми и не выпрашивают пустой пышности почетных должностей; они хотят отдыхать и веселиться в харчевнях и непотребных домах, наслаждаются жалкими театральными представлениями и зрелищами, которые в больших городах предлагаются даром. (8) Так они и проматывают свое скромное состояние и, гонимые нищетой, устремляются воровать, грабить, а иногда даже становятся разбойниками. И вот великий страх охватывает их душу: тем, кто недавно распевал в харчевне, начинает сниться тюрьма и рыдающие узники. (9) Люди, увлекающиеся зрелищами, становятся похожи на демонов: своими криками они стравливают людей: пусть, злобно состязаясь, убивают друг друга. Если бойцы, желая угодить обезумевшему народу, друг друга все-таки не задевают, и люди заподозривают их в сговоре, то они преисполняются к ним ненависти, гонят их, кричат, чтобы их избili палками, как обманщиков, и заставляют совершить эту несправедливость даже судью, наказывающего за несправедливости. Если же толпа видит, что те охвачены страшной взаимной ненавистью — будь то так называемые синты, актеры, певцы, возницы или охотники (этих несчастных людей посылают не только на людей, а заставляют их, людей, бороться и состязаться со зверями) — если она почувствует, что они обезумели в лютой вражде, она восхищается ими, любит их, поощряет стравленных и, поощряя, стравливают. Зрители болеют один за одного, другой за другого, неистовствуя сами против себя же, они безумны больше тех, чье безумие вызывают, и на кого, обезумев, хотят смотреть. (10) Может ли душа, питая себя враждой и соревнованием, остаться здоровой и мирной? Какова пища, такое и здоровье. (11) И наконец, — хотя нездоровая радость не есть радость, — но какова бы она ни была, как бы приятно ни было хвастать богатством, надмеваться почестями, объедаться в харчевнях, глядеть на соперничество в театрах, грязнить себя развратом и щекотать свою чувственность в банях, — всё это унесет первая же лихорадка, целиком забрав еще при жизни мнимое счастье. Останется сознание пустоты и совесть в ранах: человек поймет, что Бог, Которого он не хотел иметь Хранителем, станет Судьей, и сурового Господина найдет он в Том, Кого не удосужился найти и полюбить, как нежного Отца.

(12) Ты же ищешь истинного покоя, который обещан христианам после этой жизни, и ты вкусишь его сладость даже здесь, среди горьких тягот этой жизни, если возлюбишь заповеди Того, Кто этот мир обещал. Ты быстро почувствуешь, что плоды правды слаще тех, которые вырастивает несправедливость; что чистая совесть доставляет больше настоящей радости среди бедствий, чем худая среди наслаждений; и не затем пришел ты соединиться с Церковью Божией, чтобы чем-то от нее временно попользоваться.

(1) Некоторые хотят стать христианами, чтобы выслужиться перед людьми, от которых ожидают временных благ, или не желая обидеть тех, кого боятся. (2) Это отбросы; Церковь терпит их до времени — так

и мякина лежит на току, пока не пришло время веять; если они не исправятся и не станут христианами ради будущего вечного покоя, они будут в конце отделены. Пусть не ласкают себя мыслью, что могут оставаться на току вместе с пшеницей Господней: они не попадут вместе с ней в закрома, а предназначены заслуженному огню.

(3) Есть люди, подающие большие надежды, но находящиеся в опасности не меньшей: они боятся Бога, не издеваются над именем христианина, вступают в Церковь Божию без притворства, но они ждут счастья в этой жизни, рассчитывают быть на земле счастливее тех, кто не чтит Бога. И когда они видят преступников и безбожников в силе и блеске земного благополучия, а его у них меньше, или они его лишились, они смущаются, словно нет у них основания чтить Бога, и легко отпадают от веры.

23

(1) Тот, кто ради постоянного блаженства и непреходящего покоя, обещанного святым после этой жизни, хочет стать христианином, чтобы не пойти в огонь вечный вместе с дьяволом, но вступить в Царство Вечное с Христом, тот настоящий христианин. Он осмотрителен в искушениях, боится стать хуже в счастье и сломаться в несчастье; среди обилия земных благ он скромнен и умерен, среди бедствий мужествен и терпелив. (2) Человек, который, преуспевая, дойдет до такого состояния, что будет больше любить Бога, чем бояться геенны, так что если бы Господь Сам сказал ему: «пользуйся во веки плотскими наслаждениями, грешни как только можешь — ты не умрешь, не попадешь в геенну, но только не будешь со Мною»,—он придет в ужас и перестанет совсем грешить не из страха, чтобы не случилось то, чего он боялся, а чтобы не обидеть Того, Кого он так любит,— в Нем же Едином покой, которого ни глаз не видел, ни ухо не слышало, и не восходило на сердце человека, что приготовил Господь любящим Его.

(3) Этот покой имеет в виду Писание и не умалчивает о нем: в самом начале мира, когда Бог создал небо и землю и всё, что на них, Он был занят шесть дней, а в седьмой опочил. (4) Всемогущий мог создать всё в одно мгновение: Он ведь не работал, чтобы опочить, ибо «сказал — и сделалось; повелел — и сотворилось», но чтобы показать, что после шести периодов, пережитых этим миром, Он опочит в седьмой период, как в седьмой день, среди святых Своих, и сами они упокоятся в Нем после всех добрых трудов, совершённых в служении Ему; через них творил Он, Который зовет и наставляет и отпускает прошлые грехи и оправдывает прежнего беззаконника. (5) Они хорошо трудились, ибо это было даровано Им, и потому правильно сказать, что это Сам Он трудится; и когда они почивают в Нем, правильно сказать, что почивает и Он Сам. Что до Него, то Он передышки не ищет, ибо не чувствует труда. (6) Всё сотворил Он словом Своим, а Слово Его — Сам Христос, в Котором почивают в святом молчании ангелы и все небесные чистейшие духи. (7) Человек, согрешив, пал и потерял покой, который имел в Нем, Боге, и получил обратно в Нем, Человеке; поэтому в свое время,— Он знал, когда этому надлежит быть,— Он стал человеком и родился от Женщины. Не мог быть запятан плотью Он, пришедший скорее затем, чтобы очистить плоть. (8) Святые в древности знали, по откровению Духа, что Он придет, и пророчествовали о Нем, и спаслись верой в будущее Его пришествие, как и мы спасаемся верой в Его уже бывшее пришествие. Возлюбим же Бога, Который так возлюбил нас, что послал единственного Сына Своего, дабы, облекшись в наше уничтоженное смертное тело, Он умер от руки грешников и за грешников. (9) И давно, от начала времен, непрерывно в прообразах предвозвещалась глубина этой тайны.

(1) Так как всемогущий Бог и благ и справедлив и милостив, то Он всё создал хорошим, великое и малое; сильное и слабое; видимое — небо, землю и море, на небе солнце, луну и прочие светила, на земле же и в море деревья, кусты и животных — всё разнообразие природы — и вообще все тела небесные и земные... и невидимое, каковы духи, чьи тела полны бодрости и силы. (2) Создал и человека по образу Своему; и как Сам Он всемогуществом Своим превосходит всё сотворенное, так и человек разумом своим, которым познаёт он Своего Создателя и чтит Его, превосходит всех земных животных. (3) Создал Он ему в помощь и жену не ради плотских желаний — тела их были нетленны, пока, в наказание за грех, не пришла к ним смерть, — но чтобы жена была славою мужа, ведущего ее к Господу и являющего для нее пример святости и благочестия, как и сам он слава для Господа, если следует путем мудрости Его.

(4) Он поместил их в месте вечного блаженства, которое Писание называет раем, и дал им заповедь — если они не преступят ее, то пребудут во веки бессмертными и блаженными; если преступят, наказанием будет смерть. (5) Господь заранее знал, что они преступят эту заповедь, и именно поэтому, Учредитель и Творец всякого блага, Он и создал их, создавая и животных, дабы наполнить землю земными благами. Человек, даже грешник, всё же лучше животного. (6) И заповедь, которую они не соблюдают, дал именно затем, чтобы не было им извинения, когда Он наложит на них наказание. Что бы ни сделал человек, в делах его прославляется Бог: если он поступил правильно, Он прославляется за справедливое воздаяние: если согрешил, прославляется за справедливое наказание; если, раскаявшись в грехах, вернулся к правильной жизни, Он прославляется за милосердную снисходительность. (7) Почему было Господу и не создать человека, хотя Он и знал заранее, что тот согрешит, когда Он устоявшего венчает, упавшего устрояет, встающему помогает, всегда и везде Славный благостью, справедливостью, милосердием! А самое главное: Он знал, что от потомков этого смертного человека произойдут святые, которые не будут искать свое, но прославят своего Создателя; чтя Его, освободившись от всякой скверны, они заслужат вечно жить и блаженно жить со святыми ангелами.

(8) Он дал людям свободную волю, чтобы они чтили Бога не по рабской необходимости, а по выбору благородной души. Дал ее также ангелам, и ангел, который в сопровождении других духов покинул от великой гордости путь послушания Богу и стал диаволом, нанес ущерб не Богу, но себе. (9) Господь умеет приводить в порядок души, Его покинувшие, и справедливое их несчастье превращает в радость для низших Своих созданий — по законам вполне сообразным с дивным порядком равномерного распределения. Итак, диавол не нанес никакого ущерба Богу ни своим собственным падением, ни тем, что свратил человека к смерти; и сам человек, тем, что по собственной воле согласился с женой, совращенной диаволом, нарушить запрет Божий, насколько не умалил ни правды, ни могущества, ни блаженства Творца своего. (10) По справедливейшим Божиим законам они все осуждены; Бог прославлен справедливой карой, они обесславлены постыдным наказанием. Человек, отвратившийся от своего Создателя, побежден и подчиняется диаволу; человеку, обратившемуся к своему Создателю, предложено победить диавола; те, кто до конца соглашаются с диаволом, с ним пойдут в муки вечные; те, кто смирились перед Богом и, по благодати Его, победят диавола, заслужат вечную награду.

(11) Нас не должно тревожить, что много людей соглашаются с диаволом, и мало кто следует за Господом; ведь и иппичных зерен так

мало по сравнению с мякиной. Но как земледелец знает, что ему делать с огромной кучей мякины, так и для Бога множество грешников — ничто; Он знает, как с ними быть, чтобы Царство Его не знало ни волнения, ни посрамления. Не следует думать, что днавол остался победителем потому, что увлек за собой множество: его победят немногие.

(12) Два града — нечестивцев и праведников — существуют от начала человеческого рода и пребудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же Суда поставлены будут разны. (13) Все люди, горделивые, любящие временное господство с его пустой надменностью и дерзким великолепием, связаны воедино, как сообщники, со всеми духами, которым это любезно и которые ищут себе славы за то, что подчинили людей. И те, кто часто ведет друг с другом борьбу за эти блага, низвергнутся под таким же бременем страстей в ту же бездну, присоединившись к ним по сходству нравов и заслуг. (14) Все же люди и все духи, смиренно искавшие Славы Божией, а не своей, благочестиво за Ним следуя, составят единое общество.

25

(1) И, однако, Господь в Своем великом милосердии терпелив к нечестивцам и дает им возможность покаяться и исправиться. (2) Он уничтожил потопом всех, кроме одного праведника с его семьей, и пожелал спасти их в ковчеге. Он знал, что люди не исправятся; в течение сотен лет строился ковчег; предвозвещено было им, что гнев Божий придет на них, но если они обратятся к Богу, то Он пощадит их, как пощадил впоследствии Ниневию, которая покаялась, когда пророк возвестил ей, что ее ожидает гибель. (3) Так же поступает Бог и с теми, о которых знает, что они закоснеют во зле: Он дает им время для покаяния, чтобы укрепить наше терпение и воспитать Своим примером: да знаем, насколько терпимее должны мы быть к злым людям, мы, не ведающие, какими они станут в будущем, если Он, от Которого ничто в будущем не сокрыто, щадит их и позволяет жить.

(4) Дан был в потопе и прообраз того древа, чрез которое освобождаются праведные: будущей Церкви, которую Ее Царь и Господь Христос тайной Своего Креста вознес над затопляющими волнами этого мира. Господь знал, что даже от тех, кто спасся в ковчеге, пойдет злое потомство, которое опять наполнит землю неправдой, но Он дал и пример будущего суда и предвозвестил освобождение святых таинственным древом. (5) И после потопа зло продолжало давать обильные побеги: не исчезли ни гордость, ни похоть, ни запретное нечестие, когда люди, оставив своего Творца, скатились не только до поклонения твари, созданной Богом, и чтили вместо Бога то, что сотворил Бог, но согнули души свои перед делами рук человеческих, перед искусными созданиями художников; тут диавол и демоны справляли свой гнусный триумф: они радуются, когда им молятся перед такими изображениями и чтут их в этих образах, — они питают свои заблуждения заблуждениями человеческими.

26

(1) Не было, конечно, и тогда недостатка в праведниках, которые благочестиво искали Бога и одолели гордость диавола, в гражданах того святого города, которых вразумило грядущее явление уничиженного Христа, открытое им Духом. Из их среды и выбран был Авраам, благочестивый и верный раб Божий, чтобы явить ему в прообразе Сына Божия; уподобляясь ему верой, да назовутся в будущем все верные во всех народах Его сынами.

(2) От него произошел народ, почитавший Единого Истинного Бога, Создавшего небо и землю; в это время остальные народы служили изображениям и демонам.

(3) Этому народу будущая Церковь явлена была в прообразах более ясных. Большинство его составляли люди плотские, чтившие Бога ради видимых благ; мало было таких, кто, раздумывая о будущем покое, искал Небесного Отечества. Им в пророчествах и было открыто будущее уничтожение Бога, Царя и Господа нашего Иисуса Христа, дабы верой в Него излечились они от всякой гордости и чванства. (4) Не только слова этих святых, живших до рождения Господа, но и жизнь их, их браки, дети, поступки,— всё пророчествовало о тех временах, когда чрез веру в Страсти Христовы народы соберутся в Церковь. (5) Через этих святых патриархов и пророков плотскому народу, Израилю (он стал потом называться народом иудейским), посылались и видимые блага, которых они по-плотски желали от Господа, и плотские наказания, чтобы на время утратить их, как того требовало их жестокосердие. И во всем этом были указания на духовную тайну, относящуюся к Христу и Церкви; членами этой Церкви были и те святые, хотя и жили они раньше, чем родился во плоти Христос Господь. (6) Сам же Он, Единородный Сын Божий, Слово Отчее, равное и совечное Отцу, Которым всё стало, стал человеком ради нас, чтобы быть Главой цельной Церкви, как цельного тела. (7) И как человек, рождаясь, хотя и высовывает вперед руку, но она только часть всего тела, крепко с ним, ниже головы, соединенная, так и некоторые из патриархов родились, чтобы указать на это будто вытянутой вперед рукой. И все святые, бывшие на земле до рождения Господа нашего Иисуса Христа, хотя и родились раньше, срослись со всем телом, Главой Которого является Он, но находятся ниже Главы²⁹.

27

(1) Народ этот, переселившийся в Египет, оказался в рабстве у очень жестокого царя; наставленный тягчайшими мучениями, он обратился к Богу-Освободителю, и послан ему был человек из того же народа, святой раб Божий Моисей. Великими чудесами, сотворенными силой Божией, он устрашил нечестивое племя египетское, и вывел оттуда народ Божий через Чермное море; вода, расступившись, дала дорогу переходившим; египтяне же, преследовавшие их, погибли, утонув в водах, вернувшихся на свое место. (2) И как в потоке водой очистило землю от грешников с их мерзостями — их уничтожило наводнением, праведники же спаслись, благодаря древу,— так и народ Божий, выйдя из Египта, нашел путь через воды, в которых враги его погибли. (3) И там налицо тайна древа: Моисей, чтобы сотворилось это чудо, ударил по воде жезлом. В обоих случаях знаменовано святое Крещение, которых верные переходят в новую жизнь: уничтожены и умирают, как враги, грехи их. (4) Страсти Христовы были показаны этому народу в прообразе еще более явном: им велено было заколоть и съесть овцу, а кровью ее помазать свои двери; справлять это ежегодно и назвать Пасхой Господней. Яснее ясного говорит об Иисусе Христе пророчество: «Как овца веден был на заклание». Знаком Его Страстей и Креста должно сегодня осенять лоб свой, будто дверь, и все христиане им себя осеняют.

(5) Затем, в течение сорока лет народ этот ходил по пустыне; получил Закон, написанный перстом Божиим: именем этим обозначен Дух Святой, как это яснее ясного указано в Евангелии. (6) Бог не ограничен телесным образом, нельзя думать, что у Него есть члены и пальцы, какие мы видим у себя: Но так как, по Священному Писанию, разделены Божии Дары между святыми в зависимости от их разных способностей (это отнюдь не уменьшает их любовного единодушия), пальцы же явно и отделены один от другого и соединены с единым целым, то поэтому ли или по какой другой причине, но Дух Святой именуется Перстом Божиим, — нельзя, однако, услышав это слово, представлять себе челове-

ческий облик. (7) Итак, народ этот получил Закон, начертанный Перстом Божиим на скрижалях, конечно, каменных, в обозначение твердокаменности их сердец: предписания Закона они не выполняют. Они желали от Господа плотских благ и сдерживались больше плотским страхом, чем духовной любовью; Закон же выполнить может только любовь. (8) И поэтому отягощены они были множеством видимых обрядов: как рабское ярмо, давила их правила, касавшиеся пищи, принесения в жертву животных и бесчисленного множества других случаев. Всё это, однако, знаменовало и нечто духовное, относящееся к Господу Иисусу Христу и к Церкви, но только немногие святые, соблюдая эти обряды в соответствии с их временем, понимали их смысл себе во спасение, толпа же плотских людей только соблюдала их, но не понимала.

(9) Получив много разных прообразов будущего, упоминать их все долго, и мы видим ныне их исполнение в Церкви — народ этот был приведен в землю обетованную, где временно и плотски царствовал в меру своих желаний; это земное царство содержало в себе, однако, образ духовного царства. (10) Там основан был Иерусалим, знаменитейший град Божий, символ Свободного Града, именуемого Небесным Иерусалимом; это еврейское слово; в переводе значит «видение мира». Все святые — те, кто был, кто есть и кто будет — его граждане, так же, как и святые духи, даже пребывающие на самых небесных высотах, благоговейно послушные Богу, — нечестивая гордость дьявола и ангелов его им не пример. (11) Царь того града Господь Иисус Христос, Слово Божие, царствующий над высшими ангелами; Слово, ставшее человеком, чтобы царствовать и над людьми, которые — все вместе с Ним — будут царствовать в вечном мире. (12) Как прообраз этого Царя в том земном царстве народа Израильского особенно выделяется царь Давид, от семени которого — по плоти — родился истинный Царь наш, Господь Иисус Христос, «Бог, вышний всех, благословенный во веки». В этой обетованной земле явлено было много прообразов, свидетельствующих о грядущем Христе и о будущей Церкви; ты сможешь постепенно знакомиться с ними из Священного Писания.

28

(1) Через несколько поколений был показан прообраз, имеющий прямое отношение к этим событиям. Город этот был взят, и значительная часть его жителей уведена в Вавилон. Как Иерусалим означает град и общество святых, так Вавилон означает город и общество нечестивцев, — само имя его переводится словом «смешение». (2) Об этих двух градах, жители которых от начала рода человеческого и до конца века в смене времен пребывают в смешении друг с другом, но будут отделены на последнем суде, мы говорили немного раньше. (3) Через Иеремию, пророка того времени, возвешено повеление Господне о том, чтобы город Иерусалим был взят, а народ этот уведен в рабство в Вавилон. (4) И пока он жил там в рабстве, стали появляться в Вавилоне цари, которые, в добрый для себя час, будучи поражены некоторыми чудесами, познали Единого Истинного Бога, Создателя всей твари, стали Его чтить сами и распорядились Его чтить. Отдано было повеление тем, кого они держали в плену, молиться за них и, пребывая в мире с ними, рассчитывать на мирное житье, рождать детей, строить дома, сажать сады и виноградники. А через семьдесят лет обещано им освобождение из плена.

(5) Всё это в целом прообразовательно означало, что Церковь Христова со всеми ее святыми, гражданами Небесного Иерусалима, будет в подчинении мирских властителей. (6) Сказано ведь и в поучении апостольском: «Всякая душа да будет покорна высшим властям... да воздается всем всё: кому подать, подать; кому оброк, оброк» — и прочее, что мы, при целостности и сохранности нашего Богопочитания, воздаем стоя-

щим во главе организованного человеческого общества. Сам Господь подал нам пример послушания этому здравому учению, не пренебрегнув уплатой подати за себя, как за человека, в чьем облике Он тогда был. (7) Велено также рабам Христовым и добрым христианам терпеливо и верно служить своим временным господам; они будут судить их, если те окажутся до конца нечестивы, или наравне с ними будут царствовать, если и они обратятся к Истинному Богу. Предписано повиноваться всем человеческим и земным властям, пока, после предуказанного времени (его и обозначают семьдесят лет), Церковь, как Иерусалим, будет, словно из плена Вавилонского, освобождена от смешения с этим миром. (8) По случаю же этого пленения земные цари и сами оставили идолов, за которых преследовали христиан, узнали Истинного Бога и Господа Иисуса Христа и стали их чтить. Апостол Павел велит молиться за них, даже если они преследуют Церковь: «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за царей, за всех человеков и за всех правительствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте». (9) Через них дан мир Церкви, пусть временный, временное затишье, чтобы устроить — духовно — дома, насаждать сады и виноградники. Вот и тебя сейчас этой речью мы устроаем и засаживаем. И так происходит по всей земле — мы в мире с властителями христиан, как и сказал тот же апостол: «вы Божия нива, Божие строение». (10) После семидесяти лет, о которых говорил Иеремия, указывая в этом прообразе на конец времени, восстановлен был в Иерусалиме храм Господень — да явится прообраз в полноте. А так как всё происходило прообразовательно, то не было прочного мира, и не долго были иудеи свободны: их покорили римляне, которым они и платили подать.

(11) С того времени, как они вошли в землю обетованную, у них появились цари, а чтобы они не думали, будто всё уже исполнилось в ком-либо из этих царей — им ведь обещан был освободитель Христос, — Он еще яснее предсказан был им во множестве пророчеств не только самим Давидом в Книге Псалмов, но вплоть до самого Вавилонского пленения и другими, великими и святыми пророками. И во время их плена были пророки, предсказывавшие пришествие Господа Иисуса Христа, который освободит всех. (12) А потом, когда через семьдесят лет был восстановлен храм, иудеи претерпели такие угнетения и бедствия от иноплеменных царей, что поняли: Освободитель еще не пришел. Не понимая, что Он освободит их духовно, они желали его ради плотского освобождения.

29

(1) Прошло пять периодов этого мира: первый — от начала человеческого рода, т. е. от Адама, первого человека, и до Ноя, построившего ковчег при потопе; второй — от него и до Авраама, который назван отцом всех племен, принявших за образец его веру; был он через свое плотское потомство и отцом будущего народа иудеев. До принятия христианской веры язычниками они были единственным народом среди всех народов по всей земле, которые чтили единого истинного Бога; из этого народа и пришел — по плоти — Спаситель Христос. (2) Эти основные моменты двух периодов особо выделены в древних книгах; основные моменты остальных трех показаны в Евангелии при упоминании происхождения — по плоти — Господа Иисуса Христа. Третий период — от Авраама до царя Давида; четвертый — от Давида до того пленения, когда народ Божий переселился в Вавилон; пятый — от этого переселения до пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

(3) С Его пришествия идет шестой период; духовная благодать, знакомая тогда только немногим патриархам и пророкам, явлена теперь всем народам: пусть же человек чтит Бога бескорыстно и желает от Не-

го не видимых наград за свое служение и не счастья в нынешней жизни, а только жизни вечной, когда он будет зреть Самого Бога; в этот шестой период обновится душа человеческая по образу Божию: в шестой ведь день создан был человек по образу Божию. (4) Тогда исполнен будет и закон, ибо не в жадной погоне за временным, но по любви к Тому, Кто заповедал, исполняется то, что Он заповедал. Кто же не устремится ответить на любовь такого праведного, такого милосердного Бога, Который до того полюбил таких неправедных, таких гордых людей, что ради них послал единственного Сына, через Которого создал всё и Который, Себя не изменяя, человеческое принимая, стал Человеком, чтобы иметь возможность не только жить с людьми, но за них и от них быть убитым?

30

(1) Итак, явлен Новый Завет о новом наследии, где человек, обновленный Божией благодатью, будет вести новую жизнь, т. е. жизнь духовную; Ветхий показывал плотский народ, живший жизнью ветхого человека (исключение составляло небольшое число разумных патриархов и пророков и несколько тайных святых); плотски живя, плотских наград желал он от Господа Бога и получал их в прообраз духовных почестей. (2) Ибо Господь Христос, став Человеком, презрел все земные блага, показав тем, что их следует презирать; Он перенес все земные бедствия, уча этим, что их следует переносить: не надо в тех искать счастья, не надо в этих бояться несчастья. (3) Рожденный от Матери, которая зачала, не зная мужа и никогда его не знала (девой зачала, девой родила, девой скончалась), но все-таки была обручена плотнику, Он угасил всякое превозношение земной знатностью. (4) Рожденный в Вифлееме, который среди всех иудейских городов был таким ничтожным, что ныне его зовут поселком, Он не пожелал, чтобы кто-либо хвалился значительностью любого земного города. (5) Бедняком стал Тот, Кому принадлежит всё и через Кого сотворено всё: да не смеет человек, в Него уверовавший, кичиться земными богатствами. (6) Он не захотел, чтобы люди объявили Его царем; Он показал путь смирения тем несчастным, которые отошли от Него по гордости, а ведь всё творение свидетельствует о вечном Его царствовании. (7) Голодал питающий всех; жаждал сотворивший всякое питье, Он — духовный Хлеб алчущим, Источник жаждущим; уставал на земных дорогах Сделавшийся для нас путем к небу; словно онемел и оглох перед поносившими Его Тот, Кто возвращал речь немому и слух глухому; связан был Разрешавший узы немощей; подвергнут бичеванию Отвративший от людей бичи всех горестей; распят Покончивший наше распятие; умер Воскрешавший мертвых. Воскрес Тот, Кто никогда не умрет; пусть каждый научится от Него не презирать смерть, думая, будто он никогда не оживет.

31

(1) Затем, укрепив учеников, общаясь с ними в течение сорока дней, Он, на глазах у них, вознесся на небо, а через пятьдесят дней после Воскресения послал им Духа Святого (Он обещал это), Который преисполнил сердца их любовью, и они смогли, не только не тяготясь, но с радостью исполнять закон, (2) данный иудеям в десяти заповедях. Они сводятся к двум: возлюбим Бога от всего сердца, от всей души, от всего разума: возлюбим ближнего, как самих себя. На этих двух заповедях покоятся Закон и пророки; это сказал сам Господь в Евангелии и засвидетельствовал своим примером. (3) Ибо народ Израильский, когда, с того дня, как он впервые справлял — прообразовательно — Пасху, вкушая закланного агнца, кровью которого помечены были их двери во спасение им — когда с того самого дня исполнился пятидесятый, он получил закон, начертанный Перстом Божиим, — (этим Именем, как

мы говорили, обозначен Дух Святой) — так и в Пятидесятый день после Страстей Господних и Воскресения, которое и есть настоящая Пасха,— послан был ученикам Дух Святой, но не было каменных скрижалей, обозначающих закоснелость сердец. (4) Когда в самом Иерусалиме все они собрались вместе, внезапно раздался с неба шум, словно налетел буйный ураган; они увидели как бы огненные разделившиеся языки и начали говорить на разных языках, так что все, кто приходил к ним, узнавали свой язык (а в город этот сходились иудеи со всей земли, где только ни были рассеяны, и они выучили у разных народов их разные языки). Затем, в полноте веры стали они проповедовать Христа и именем Его совершали много знамений; даже мертвец воскрес, когда на него упала тень от проходившего мимо Петра.

(5) Когда иудеи увидели, что такие знамения творятся во Имя Того, Кого они распяли, отчасти по ненависти, отчасти по неведению, то одни из них в раздражении стали преследовать апостолов, Его проповедников, другие же, особенно изумляясь, что именем Того, над Кем они издевались, как над загнанным и побежденным, творятся такие чудеса, покаялись, обратились и уверовали в Него — таких иудеев была тысяча.

(6) Они уже не желали от Бога земных благ и земного царства, не ожидали в обещанном им царе, Христе, земного царя; понимая Его, как Бессмертного, они возлюбили Того, Кто за них и от них, как смертный, столько перенес, и даже заплатил за грехи их Своей Кровью. Он показал им на примере Своего Воскресения, что надо надеяться на бессмертие, Им даруемое, и желать Его. (7) Итак, умерщвляя земные желания ветхого человека, горя новой духовной жизнью, они, как и заповедал Господь в Евангелии, продавали всё, что имели, и складывали к ногам апостолов деньги от продажи имущества, чтобы те раздавали всем — кому что нужно. Живя в христианской любви и единокровии, они ничего не называли своим; всё у них было общее; душой и единым сердцем были они в Боге. (8) Затем, испытав от иудеев, сограждан своих по плоти, плотское преследование, они рассеялись, чтобы через это рассеяние шире был проповедан Христос. Они же сами подражали терпению Господа своего: Он, кротко пострадавший за них, велел им кротко страдать за Него.

(9) В числе преследователей христиан был и апостол Павел, особенно свирепствовавший против них; потом он уверовал, стал апостолом и был послан проповедовать Евангелие язычникам; перенес он за имя Христово муки более тяжкие, чем когда-то причинял, идя против имени Христова. (10) Устраивая Церкви среди язычников, повсюду сея среди них Евангельское Слово, он усиленно настаивал, чтобы они делали сборы для бедных христиан в церквях, состоявших из иудеев, уверовавших во Христа (только что пришедшим от почитания идолов, еще совсем не знающим, как чтить Единого Бога, не легко было бы продать и раздать свое имущество, чтобы служить Богу). (11) Поэтому в своем апостольском учении он определял одних, как воинов; других, как провинциалов, обложенных податью; но Христа он сделал для них как бы Краугольным Камнем, как и возвещали о Нем пророки; на Нем строились с противоположных сторон две стены: иудеи и язычники, соединившиеся в братской любви.

32

(1) Но потом против Церкви Христовой воздвигнуты были от неверующих язычников преследования более тяжкие и частые. Каждодневно исполнялось Слово Господне: «Вот Я посылаю вас, как овец среди волков». (2) Но та лоза, которая по всему миру раскинула свои плодоносные ветви,— как и было о ней предсказано у пророков и предвозвещено Самим Господом,— разрасталась тем шире, чем щедрее поливала ее кровь мучеников. По всем землям в бесчисленном количестве уни-

рали они за истинную веру, и цари-преследователи отступали, познали Христа и склонились перед Ним: сломана у гордыни выяз ее.

(3) Надлежало, однако, как и было предречено Господом, эту самую лозу подчищать и удалять бесплодные побеги: еретиков и раскольников, которые появились по местам и, прикрываясь Христовым именем, начали искать славы не Ему, а себе самим. Спротивляясь им, Церковь всё больше и больше крепла; испытаны были и прославлены Ее учение и терпимость.

(4) Обо всем этом, заранее предсказанном, мы читали, а уже совершившееся и сами видели. Первые христиане, которые не знали, что произойдет, подвигнуты были к вере чудесами; нас наставляет в веру то, что всё исполнилось так, как об этом мы читаем в книгах, написанных задолго до того, как этому исполниться; там предсказано грядущее, и уже видится настоящее. Поэтому выдержим и то, что остается, и, утвердившись в Господе, без колебания уверуем в то, что придет.

(5) В том же Писании читаем мы о будущем смятении и о последнем дне — дне Суда, когда все граждане тех двух градов воскреснут в своих прежних телах и перед Судьей — Христом отдадут отчет в своей жизни.

(6) Придет Прославленным Властителем Тот, Кто удостоил прийти раньше униженным Человеком, и отделит всех благочестивых от нечестивцев, не только от тех, кто вовсе не захотел поверить в Него, но и от тех, чья вера была пустой и бесплодной; одним Он даст вечно царствовать с Собой, другим вечно мучиться с дьяволом. (7) И как нет радости от чего-либо временного, которая хотя в чем-то могла бы оказаться сходной с радостью вечной жизни, которую получают святые, так и никакие земные мучения и пытки не могут сравниться с вечными мучениями беззаконников.

33

(1) Итак, брат, укрепись в имени Того, в Кого ты веруешь, и с Его помощью иди против тех, кто языком своим осмеивает вашу веру, через кого совращающие речи производит диавол, больше всего желаящий осмеять веру в Воскресение.

(2) Вглядишься в себя самого — и ты поверишь, что будешь жить, как и жил тогда, когда еще не появился на свет; что ты живешь теперь, ты это видишь. Где была вся масса твоего тела, твой облик, крепко соединенные с телом члены за несколько лет до твоего рождения, даже до того времени, как ты был зачат в материнском чреве — где было твое тело с его весом и ростом? разве оно вышло на свет не из скрытых тайников творения, невидимо образованное Господом Богом, и достигшее с течением лет этой величины и вида? (3) Трудно ли Богу, который сразу собирает откуда-то громады туч и в одно мгновение затягивает небо, придать размеры твоему уже существовавшему телу, если Он мог создать его — не существующее? (4) Верь же глубоко и непоколебимо, что всё, что как будто гибнет и исчезает с глаз человеческих, оказывается целым и невредимым у Всемогущего Бога; Он восстановит это, когда захочет, без промедления и труда — по крайней мере то, что сочтет, по справедливости Своей, необходимым восстановить. Люди отдадут отчет в поступках своих, находясь в тех самых телах, в которых их совершали, и заслужат за дела благочестия изменения этих тел, — они станут нетленными — или же останутся за дела беззакония в состоянии тленности, но такой, что смерть ее не сможет разрушить, а только предоставит материал для вечных страданий³⁰.

(5) Итак, твердо веруя и сохраняя добрую нравственность, постарайся, брат, постарайся избежать этих мучений — мучители там всегда есть, умученные не умирают; смерть для них длится вечно, они не могут умереть в пытках. (6) Загорись любовью к вечной жизни святых и тоской по ней; там деятельность не утомляет, а покой не расслабляет;

не пресыщает чистая хвала Богу, душа не знает тоски, тело — боли; ни в чем нужды — ни своей собственной, от которой захочешь избавиться, ни у ближнего, которого поспешишь от нее избавить. О Боге радуется Святой Град, в Нем живет мудро и блаженно. (7) Осуществим же то, на что надеемся и чего ожидаем (это и обещано Им): равные ангелам Божиим, одинаково с ними, видением радостно познаем Троицу, Которую ныне знаем верой. Мы верим в то, чего не видим, чтобы подвигом веры удостоиться увидеть то, во что верим, и прилепиться к этому, дабы уже не говорить о вере, не оглашать воздух гулом слов о равенстве Отца и Сына и Святого Духа, о единстве Троицы, о том, как Бог Един в этих Трех, а в чистом огненном созерцании молча впитывать в себя это знание.

34

(1) Крепко держи это в сердце своем и моли Бога, в Которого ты веришь, чтобы Он защитил тебя от искушений диавольских; внимательно следи, чтобы откуда-нибудь не подполз к тебе этот враг: злобно утешается он, осужденный, разыскивая таких, кого бы осудили вместе с ним. (2) Не только через тех, кто ненавидит имя христиан, кто скорбит, что имя это распространилось по всему свету, и кто до сих пор хочет служить идолам и демонским тайнам, — осмеливается он искушать христиан; через тех, кого мы недавно упоминали, через отрезанных от Церкви, как от подчищенной лозы, так называемых еретиков и раскольников, пытается он иногда это делать. (3) Иногда пытается тоже искушить и увести через иудеев.

(4) Но больше всего надо остерегаться соблазна и разочарования от людей, которые находятся в самой Православной Церкви и которых Она терпит, как мякину, пока не придет время веять. (5) Господь терпелив к ним: их развращенностью Он укрепляет веру и разум избранных Своих. А кроме того, многие из их числа исправляются: стремясь угодить Богу, скорбя о душах своих, обращаются в страстном порыве они к Нему. (6) Не все пользуются терпением Божиим, чтобы собирать на себя гнев ко дню гнева и праведного Его Суда: многих это терпение Всемогущего приводит к такой спасительной покаянной скорби! А пока это случится, Господь — через них — упражняет тех, кто идет уже верным путем, не только в терпимости, но и в милосердии. (7) Ты увидишь много пьяниц, скупцов, обманщиков, игроков, прелюбодеев, развратников: людей, носящих кощунственные амулеты, увлекающихся нечестивым искусством чародеев, гадателей. Ты заметишь, что в дни христианских праздников церкви наполняют те же толпы, которые в дни языческих торжеств наполняют театры. И, видя это, ты почувствуешь соблазнительное желание поступать, как они. (8) Ты увидишь и то, о чем я тебе сказал, и то, о чем ты, конечно, уже знал: ты ведь знаешь многих, которые называются христианами и творят всё то злое, что я вкратце упомянул. И, может быть, тебе известно, что люди, которые, как ты знаешь, называются христианами, совершают преступления и более тяжкие. (9) Но если ты пришел с таким расчетом, что теперь ты спокойно можешь делать то же самое, то ты очень ошибаешься: имя Христа не поможет тебе, когда так строго начнет судить Тот, Кто удостоивал нас раньше такой милостивой помощи. Он заранее сказал об этом в Евангелии: «Не каждый, кто говорит Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но тот, кто творит волю Отца Моего. Многие скажут Мне в тот день: «Господи, во имя Твое мы ели и пили». Для всех, упрямо предающихся такой жизни, концом будет осуждение. (10) Поэтому, когда ты увидишь, что многие не только живут так, но и защищают такую жизнь и склоняют к ней, держись за Божий Закон и не следуй за идущими кривым путем. Ты будешь судим не по их разумению, но по Его правде.

35

(1) Ступай к хорошим людям, которые, как ты увидишь, любят вместе с тобой Царя твоего. Ты найдешь много таких, если и сам начнешь становиться таким, как они. И если на зрелищах ты хотел сидеть и быть вместе с людьми, которые любовались тем же возницей, охотником или актером, что и ты, то насколько же тебе должно быть приятнее общение с теми, кто вместе с тобой любит Бога — эта любовь никогда не заставит покраснеть, ибо не только Его нельзя победить, но и тех, кто Его любит, Он делает непобедимыми³¹. (2) Ты не должен, однако, возлагать надежд на хороших людей, которые или идут впереди тебя, или сопутствуют тебе на пути к Богу; не должен и на самого себя, как бы ты ни преуспел; возложи их на Того, Кто сделал этих людей такими, чтобы они показали тебе правый путь. Будь уверен в Боге: Он не изменяется; никто разумный в человеке не уверен. (3) Но если и тех, кто еще неправеден, мы должны любить — да станут праведны, то какой же горячей любви заслуживают уже ставшие праведными. Но одно — любить человека, а другое — надеяться на него; разница велика: одно Бог велит, другое запрещает.

(4) Если, претерпев обиды и притеснения за имя Христово, ты не отпадеши от веры и не свернешь с правого пути, то получишь большую награду; те, кто в таких обстоятельствах уступят диаволу, потеряют и малую. (5) Смирись перед Господом: да не позволит Он искушать тебя сверх сил.

36

(1) Окончив эту речь, спроси: верит ли он в это и желает ли соблюдать. Когда он ответит утвердительно, торжественно ознаменуй его крестом и обращай с ним по обычаям Царства.

(2) Хорошенько растолкуй ему значение таинства, которое он принимает; следует благоговейно чтить то невидимое, что скрывается под видимыми знаками священнодействия; нельзя ставить стихию, освященную благословением, в один ряд с водой, употребляемой в быту; объясни значение проповеди, которую он слышал, чем она увлекает, чему уподобляется всё таинство.

(3) Убеждай его по этому случаю, что если он услышит в Писании нечто, звучащее по-плотски, то пусть он, хотя бы и не понимая, верит, что тут вложен некий духовный смысл, имеющий в виду будущую жизнь и добрую нравственность. Он таким образом заучит вкратце следующее: он должен верить, что в канонических книгах всё, чего нельзя связать с любовью к вечности, истине и святости и с любовью к ближнему, сказано или совершенно прообразовательно: пусть он старается понять всё таким образом, чтобы связать это с заповедью о той и другой любви. (4) Пусть, конечно, он понимает под ближним не находящегося вблизи, но всякого, кто может оказаться вместе с ним в этом святом граде — уже в нем находящегося или еще не появившегося: пусть не отчаивается в исправлении того, кого терпение Божие оставляет жить только затем, чтобы, по словам апостола, довести его до покаяния.

37

(1) Если тебе кажется длинной эта речь, которой я наставлял как бы находящегося передо мной ничего не знающего человека, то можешь сократить ее; говорить распространеннее, по-моему, не следует. Тут, впрочем, есть большая разница: чего требует от тебя самая тема твоей речи и что твоя аудитория не просто выслушает, а что она явно хочет послушать. Если же надо торопиться, то смотри — как легко всё можно объяснить. (2) Допустим, пришел человек, желающий стать

христианином; на твой вопрос он ответил, как и выше упомянутый. Если он ответит не так, скажи ему, что он должен отвечать. А затем продолжай таким образом.

38

(1) Да, брат, велико то истинное блаженство, которое обещано святым в будущем веке. Всё видимое пройдет, вся пышность этого мира, его удовольствия и диковинки погибнут и увлекут за собой в погибель своих поклонников. (2) От этой гибели, т. е. от вечных мук, Милосердный Господь пожелал освободить людей — если они не будут себе врагами и не станут противиться своему милосердию Создателя — и послал Своего Единородного Сына, т. е. Слово Свое, равное Отцу, через Которого создал всё. (3) Оставаясь Богом, не отходя от Отца, ни в чем не изменяясь, Он стал человеком и пришел к людям, являясь в смертной плоти. И как через одного, первого, человека, т. е. Адама, смерть вошла в род человеческий, ибо Адам послушался жены своей, соблазненной диаволом, да преступят заповедь Божию, — так и через Одного Человека, который в то же время есть Бог и Сын Божий, через Иисуса Христа уничтожены все прежние грехи, и верующие в Него вступят в Жизнь Вечную.

(4) Всё то, что ты видишь теперь в Церкви Божией, и что, под именем Христа, творится по всему свету, предсказано было до века: мы видим то, о чем читаем, и тем самым наставляем в вере. (5) Некогда был по всей земле потоп, и грешники погибли; те же, кто уцелели в ковчеге, явили прообраз будущей Церкви, которая плывет сейчас по бурному морю житейскому и спасается от потопления древом — Крестом Христовым. (6) Предсказано было Аврааму, верному рабу Божию, что от него, от одного человека, произойдет целый народ, который будет чтить Единого Бога; прочие племена чтили идолов. Всё, что произойдет с этим народом, было предсказано, и так и случилось, как было предсказано. (7) Возвещено было, что к этому народу придет Христос, Царь и Бог всех святых. Он произойдет от семени самого Авраама, по плоти, которую примет, чтобы сынами Авраама стали все, кому Авраам был примером веры. Так и сбылось: Христос родился от Девы Марии, происходившей из этого рода³². (8) Предсказано пророками, что Он пострадает на кресте от того же народа иудейского, из которого и пришел по плоти — так и сбылось. Предсказано, что он воскреснет — Он воскрес; согласно предсказаниям пророков взшел на небеса и ученикам своим послал Духа Святого. (9) Предсказано не только пророками, но и Самим Господом Иисусом Христом, что Церковь Его, насаждаемая свидетельством и мучениями святых, распространится по всему свету, — предсказано тогда, когда имя Его было скрыто от людей и когда, уже известное, было осмеяно, и однако, весть о чудесах, совершённых Им Самим или Им через рабов Своих, расходилась, и появлялись верующие. Мы видим, что это было предсказано и исполнилось. Сами дари земные, преследовавшие раньше христиан, покорились имени Христову. (10) Предсказано также, что из Церкви Его выйдут расколы и ереси, которые, где только смогут, прикрываясь Его именем, будут искать славы себе, а не Христу. И это исполнилось.

(11) И разве то, что осталось, не придет? Ясно ведь, что если всё произошло так, как было предсказано, то так же произойдет и то, что предсказано для будущего: праведников еще ждут бедствия; еще не пришел день Суда, когда отделены будут по воскресении мертвых беззаконники от праведников — и не только стоящие вне Церкви, но и мякниша в самой Церкви, которую надлежит терпеть и терпеть, пока не придет срок последнего веяния и она не будет по заслугам отменена для огня. (12) Те же, кто смеется над воскресением, думая, что

не может воскреснуть эта сгнившая плоть, в ней и понесут наказание, воскресши. Господь покажет им, что Тот, Кто смог создать тела, раньше не существовавшие, может в один миг восстановить их в том виде, в каком они были. (13) Верные же все, которые будут царствовать с Христом, воскреснут в том же самом своем теле, но, по заслугам их, оно изменится и приобретет нетленность, как у ангелов; да станут равны ангелам Божиим, как обещал сам Господь, да восхваляют Его, непорочно и радостно, всегда живя в Нем и о Нем, в такой радости и блаженстве, которые человек не может ни выразить словом, ни представить себе.

39

(1) Итак, уверовав в это, остерегайся искушений (диавол ведь ищет, кого погубить с собой): пусть этот враг не совратит тебя не только через тех, кто вне Церкви — язычников ли, иудеев или еретиков, но ты увидишь и членов Православной Церкви, которые плохо живут: преданных чревоугодию и гортанобесию; бесстыдников, увлеченных любопытством к пустому или запретному; любителей зрелищ; пользующихся диавольскими гаданиями и снадобьями; живущих в роскоши; надменных богатством и гордостью — вообще увидишь людей, ведущих жизнь, которую Закон осуждает и наказывает: не подражай им. Общайся с хорошими людьми, которых ты легко найдешь, если сам станешь таким: вместе любите и почитайте Бога бескорыстно, ибо вся награда наша в Нем Самом, как и в той жизни, доброй и прекрасной, которой будем наслаждаться. (2) Его любить надо не так, как любишь то, что видишь глазом, а так, как любят мудрость, истину, святость, справедливость, любовь и другие такие же качества, только не людские, а исходящие из самого источника мудрости, не знающей ущерба и перемены. Общайся с людьми которые это любят, чтобы через Христа, Который стал Человеком, дабы быть посредником между Богом и людьми, примириться тебе с Богом. (3) И не думай, что если люди развращенные входят в здания храмов, то они войдут и в Царство Небесное; в свое время они будут отделены, если не переменятся к лучшему. (4) Людям хорошим подражай, плохих терпи, всех люби: ты ведь не знаешь, каким станет завтра тот, кто сегодня плох. Люби не их неправду: люби их самих, чтобы они постигли правду: нам ведь предписана не только любовь к Богу, но и любовь к ближнему — в этих двух заповедях весь Закон и пророки. (5) Его может исполнить только тот, кто примет в дар Духа Святого, равного Отцу и Сыну, ибо Бог Троичен, и на Бога надо возлагать всю надежду. На человека, каков бы он ни был, нельзя ее возлагать. Одно — Тот, Кем мы оправданы, и другое — те, с кем вместе мы оправданы.

(6) Диавол искушает не только желаниями, но и страхом унижений, боли и самой смерти. Что бы человек ни перенес за Имя Христово в чаянии Жизни Вечной — если он устоит в терпении, дана ему будет великая награда; если уступит диаволу, будет осужден вместе с ним. (7) Но по делам милосердия благочестивые и смиренные люди получают от Бога милость: да не позволит Он искушать рабов Своих сверх их сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Deo gratias («Богу благодарение»: характерные для Африки имена, в которые всегда входит слово «Бог»: Quodvultdeus, «что хочет Бог» — имя одного карфагенского епископа; Adeodatus, «данный Богом» — сын Августина) был впоследствии епископом в Карфагене.

² Rudes — те, кто ничего не знает о христианстве и которых надо catechizare, «огласить» — ввести в ряды «оглашенных».

³ Любопытная подробность: катехизатор обязан был заняться даже с одним чело-

веком, не ожидая, чтобы собралось много желающих креститься. Послушать его, однако, могли все желающие.

⁴ complexum — compellere.

⁵ Августин любил метафоры. Писание представляется ему сокровищницей, из которой раздают слово Божие «казначей» (dispensatores) — рабы или отпущенники, ведавшие деньгами, своего рода «министры финансов» в каждом хозяйстве.

⁶ Августин умел быть «всем для всех». Скромный диакон должен был, конечно, утешиться, услышав, что знаменитый епископ, уже признанный глава Западной Церкви, тоже недоволен своими проповедями.

⁷ Сенека, Dial. III (de ira), I. 1. 4: «глаза горят и мигают, всё лицо багровеет от прилившей от сердца крови; губы дрожат, зубы стиснуты, волосы стоят дыбом; с трудом вырывается свистящее дыхание».

⁸ Августин считал проповедь одной из важнейших своих обязанностей и никогда не упускал случая ее произнести.

⁹ Блаженный Августин отводит пять периодов на время до пришествия Христа: шестой — после Его пришествия, — в котором живут и будут жить люди до наступления седьмого периода, когда после Страшного Суда отделены будут праведники от грешников, каждый получит по делам своим, и наступит «суббота суббот».

¹⁰ Августин имеет в виду евреев.

¹¹ В своем отношении к дружбе Августин был настоящим античным человеком: у него был культ ее, он умел «быть другом для друга» и умел собрать вокруг себя людей, которые до конца дней своих оставались ему друзьями.

¹² «Судящего — грешащего»: iudicante — peccante. Августин любил эти риторские фиоритур, особенно ассонансы и даже рифмы. При переводе мы старались сохранить их.

¹³ Longe peregrinantem: «пошел в дальнюю страну». Лк. 15, 13 (притча о блудном сыне).

¹⁴ Августин имеет в виду человека, пришедшего с желанием не креститься, а поспорить о вере.

¹⁵ Вера в вещи сны и предзнаменования была широко распространена в Африке и среди христиан, и среди язычников. В «Исповеди» Августин рассказывает о вещем сне своей матери. Исп. 3, 11.

¹⁶ Учителя грамматической («средней») школы, преподаватели литературы.

¹⁷ Мф. 3, 12; Лк. 3, 17.

¹⁸ Разумеются приворотные зелья.

¹⁹ Люди, составлявшие страшные заклинания, которыми обеспечивали себе успех и врагу гибель. Несколько свинцовых табличек с такими заклинаниями были найдены и в Африке, и в Италии.

²⁰ См. 13-ю кн. «Исповеди».

²¹ Риторская школа — это для всей римской древности то же, что для нас университет. Философией в этих школах не занимались; основательное знакомство с ней и имел в виду Августин, говоря о людях, «размышляющих о высоком». Риторика в те времена пользовалась большим уважением; будучи сам блистательным ритором, Августин хорошо видел недостатки риторских школ и неоднократно на них указывал.

²² Ср. «Исповедь», I, 18, 29: «если человек... произнесет слово homo без придыхания... то люди возмутятся больше, чем если вопреки заповедям Твоим он, человек, будет ненавидеть человека».

²³ Писание, за которое Августин взялся после Цицерона, «показалось мне недостойным даже сравнения с Цицероном. Моя кичливость не мирилась с его простотой...» Исп. 3, 5.

²⁴ Августин настаивал на символическом толковании Ветхого Завета.

²⁵ Ср. «Исповедь» 5, 6, 10: «Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истинной потому, что они красноречивы, а нескладные... лживы, потому что они нескладны...»

²⁶ Древние писали, не отделяя слова одно от другого. Для того, чтобы их правильно разделять, требовалась известная культура и навык. Поэтому в школе учитель предварительно сам читал текст, заданный ученикам, а они, следя за ним, размечали слова по своим экземплярам.

²⁷ Имеются в виду церковные неурядицы, обозначаемые им, обычно, словом scandalum.

²⁸ В подлиннике «курица покрывает цыплят истомленными перьями» (longitudinis plumis) — обычная аналогия, когда определение переносится с предмета, им точно определяемого, на какую-то особенность этого предмета: не «ira fulvi leonis», «гнев рыжего льва», а «ira fulva leonis», «рыжий гнев льва». В данном случае определение перенесено с курицы на ее перья; по-русски «истомленные перья» не скажешь, но эти «истомленные перья» свидетельствуют об удивительной наблюдательности Блаженного Августина: перья пестрые, помятые, грязные, кое-где надорванные имеют, действительно, вид «истомленный».

²⁹ Исаия 40, 6.

³⁰ I Петр. 1, 24; Исаия 40, 6—8.

³¹ Августина интересовала психология толпы; о «психической заразе», распространяющейся с быстротой и неотвратимостью чумной заразы, он говорит и в «Исповеди»:

его участие в краже груш, совершённой группой сорванцов, к которой принадлежал и он («один я не сделал бы этого»); поведение его друга Алипия в амфитеатре, куда его, сопротивляющегося, силком затащили товарищи. Здесь он в нескольких строчках дал превосходную картину этой заразы. Кого из гладиаторов называли синтами, неизвестно. Гладиаторов, обычно, различали по их вооружению. Среди разных видов гладиаторов, известных по изображениям и упоминаемых в литературных памятниках, синтов называет только Августин. Может быть, их вооружение и одежда были местными, специфически «африканскими».

³² Манихеи — а они в IV в. по Р. Хр. были еще сильны — считали, что Христос не мог быть «запятнан плотью», которая, по их представлениям, была зло. Августин, бывший сам довольно долго манихеем, не упускал случая опровергнуть их заблуждения.
